

Марина
СЕРОВА

СКОЛЬКО СТОИТ бес в ребро

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Сколько стоит бес в ребро
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26722881

Сколько стоит бес в ребро / Марина Серова.: «Э»; Москва ; 2017

ISBN 978-5-04-089164-1

Аннотация

Седина – в бороду, бес – в ребро, бизнес – молодой любовнице, а законной жене, с которой прожит не один десяток лет, – шиш с маслом? Или все наоборот и это законная жена, благодаря которой бизнес мужа все-таки состоялся, имеет право забрать семейный капитал и отправиться с ним куда подальше? Кипят страсти в семье директора тарасовского рынка, и без частного детектива Тани Ивановой здесь не разобраться. И если бы только страсти: на жизнь директора уже покушались, секретарша убита, уголовные дела множатся, как грибы после дождя...

Новая редакция романа, ранее выходившего под названием «Фантазии господина Фрейда»

Содержание

День первый	4
День второй	59
День третий	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Марина Серова

Сколько стоит бес в ребро

День первый

Понедельник, и этим все сказано

Погода была сказочная. Затянувшееся бабье лето радовало мягким теплом, пронзительно-голубым небом и легким-легким ветерком, который осторожно снимал с веток едва державшиеся на них желтые, красные, оранжевые и ржаво-коричневые листья, слегка кружил их в воздухе и плавно опускал на землю, увеличивая и без того немалый шуршавший под моими ногами «золотой запас» осени. Как же славно идти, ни о чем не думая, всецело отдавшись ощущению тихой, светлой печали от вида всего этого уходящего великолепия! Пользоваться машиной в такую погоду – настоящее кощунство, и я этим утром медленно брела по набережной, иногда останавливаясь, чтобы посмотреть на Волгу, чьи обычно темные воды, с примесью болотного оттенка, сейчас даже не показались мне грязными.

Я вполне могла позволить себе такое праздное времяпрепровождение, потому что только вчера вечером отчиталась перед клиентом, успешно завершив одно мерзкое и очень

сложное дело, вымотавшее меня до предела. Нет, ну о чем думал этот человек, доведший ситуацию до точки кипения? Что проблема как-нибудь сама собой рассосется? А когда его прижало по самое «не могу» и на карте уже стояло все, чем человек дорожит в жизни, он прибежал ко мне. Лестно, конечно, когда солидный дядька, причем не самый последний в городе человек, стоит перед тобой на коленях и умоляет помочь, потому что ты – его последняя надежда; только расплачиваться за такую, между прочим вполне заслуженную, репутацию приходится мне: тут и бессонные ночи, и питание впопыхах и кое-как, и нервотрепка, и угроза для собственной жизни, и прочие «прелести» моей профессии. Но я получила за все свои мучения такой солидный гонорар, что теперь вполне могла продлить летний сезон даже не на Кипре или в Египте, а на Мальдивах или Сейшелах. Одним словом, овчинка стоила выделки.

Мои ленивые рассуждения на тему будущего отдыха прервал телефонный звонок. Поморщившись, я все-таки достала сотовый, а увидев номер, который еще не успела забыть, и вовсе скривилась. Это звонил генеральный директор Центрального рынка Семен Иванович Андреев, чьи проблемы я решала не так давно, в июле. Впечатление эта семейка на меня произвела странное и неприятное. Семен Иванович то простого деревенского мужика из себя корчил, то крутого бизнесмена, а жена его, Клавдия Петровна, начинавшая когда-то продавщицей в овощном ларьке и матерившаяся так,

что ко всему привычные грузчики на глазах трезвели, с обретением материального благополучия превратилась, ничуть при том не поумнев, в холеную бабу с претензиями на гламурность. Заплатил он мне, правда, очень щедро, но ведь и покрутиться мне тогда пришлось как белке в колесе. Но я справилась. Именно воспоминания о щедром гонораре и подтолкнули меня к тому, чтобы ответить на звонок, потому что в моей работе частного детектива никогда не знаешь, чего ждать, – можно ведь и несколько месяцев без клиентов просидеть.

– Слушаю вас, Семен Иванович, – сказала я.

– А-а-а! Не забыла меня! – хмыкнул он, причем, судя по голосу, «товарищ» был хорошо навеселе. – В общем, Татьяна, тянуть кота за хвост не буду: помощь твоя нужна!

– Опять что-то с сыном? – спросила я.

– Со мной. Охоту на меня объявили. От двух покушений бог уберег, а сейчас... достали меня, – безрадостно сообщил он.

– Но ни в прессе, ни по телевизору об этом ничего не сообщали, – удивилась я.

Как ни бываю я загружена, но криминальные новости смотрела всегда, чтобы быть в курсе дел.

– А ты хотела, чтобы мои проблемы все, кому не лень, обсуждали? – разозлился он. – Короче, приезжай ко мне домой, да поскорее!

Услышав такое, я мгновенно взбесилась, потому что по-

добного хамского обращения не терпела ни от кого, даже от самых платежеспособных клиентов, тем более что сумма уже полученного мною гонорара вполне покрывала не только мои насущные нужды на пару-тройку ближайших месяцев, но и позволяла кое-что дополнительное.

– Семен Иванович, я к вам на службу пока что еще не поступила и не собираюсь! – отрезала я. – Так что командный тон вы лучше для своих подчиненных приберегите! Кроме того, меня, если вы не забыли, зовут Татьяна Александровна, и я попрошу вас обращаться ко мне на «вы»!

В трубке повисла тишина, и я прервала связь. Не успела я пройти пару шагов, как телефон зазвонил снова – это опять был Андреев.

– Извините, Татьяна Александровна, – уже совсем другим тоном сказал он. – Просто вся эта ситуация меня так достала, что я на всех срываюсь – дело ведь моей жизни касается, не чужой! Так что вы уж будьте добры приехать.

– Извините, но я вам ничем не помогу, – холодно ответила я. – Я очень сильно устала и планирую как следует отдохнуть.

– Татьяна Александровна, вы помните, сколько я вам заплатил за прошлое дело? – спросил Семен Иванович.

– Помню, – подтвердила я.

– А теперь, если вы выясните, кому и почему так не терпится меня на тот свет отправить, гонорар ваш будет двойным по сравнению с прежней оплатой, – пообещал он.

– Хорошо, я к вам приеду, – подумав, согласилась я. – Но

если вы хоть раз позволите себе по отношению ко мне приказной тон, я немедленно уйду, несмотря на обещанный гонорар, и тогда вам придется бодаться со своими проблемами самому, – жестко предупредила я его.

«Хам неумытый! – гневно думала я по дороге к остановке. – Привык, что ему никто возразить не смеет! Жену свою в деревню сослал – только из-за того, что она позволила себе собственное мнение заиметь! Ну, пусть она дура набитая, но ведь родному сыну эта тетка только добра желала, по-своему, конечно, но добра! А со мной такой номер не пройдет! Это ты мне позвонил! Это я тебе нужна! А вот я и без тебя спокойно жила и еще поживу!»

Заехав домой, я взяла сумку со всем необходимым: мой так называемый «тревожный чемоданчик», в котором имелось все, что может потребоваться для расследования – ведь неизвестно, как события повернутся. И еще я бросила свои гадальные кости, чтобы узнать, что меня ждет. Выпало «11 + 14 + 26», а это значило, что мне придется иметь дело с неприятными людьми. Да уж! Точнее не предскажешь!

Дом Андреева находился в коттеджном поселке для очень обеспеченных людей, именуемом в народе «Графские развалины» – в насмешку, конечно. Официально же этот поселок, как и еще несколько ему подобных, расположенных дальше от Тарасова, принадлежали к Тепловскому району, то есть к сельской местности, где – не знаю, не проверяла

– расценки на коммунальные услуги были ниже, чем в городе. Не этим ли руководствовались мои далеко не самые бедные сограждане, решившие выстроить дома на бывшем пустыре и на других бесхозных и непригодных для сельскохозяйственных работ землях? Они ведь очень неплохо умеют денежки считать, толстосумы наши!

Со стороны дороги от взоров любопытных глаз посторонних обитателей поселка «Графские развалины» защищала высоченная стена с единственными воротами, которые бдительно охранялись. С другой стороны дороги стояли одно-, редко – двухэтажные дома, заселенные самыми обыкновенными людьми, и этот поселок официально именовался Совхозный, а неофициально, но гораздо точнее – Выселки. Надо ли говорить, что отношения между «графьями» и «совхозниками» были непростыми? С одной стороны, люди, и день и ночь горбатившиеся на своих приусадебных участках, имели на свою экологически чистую продукцию гарантированный спрос и могли ломить хоть три цены за литр натурального, прямо из-под коровы, молока или за килограмм настоящих, «хозяйских» помидоров, а с другой – завидовали они при этом своим соседям черной завистью. А как не позавидовать, если у «графьев» – и водопровод, и канализация, и все прочие блага цивилизации, а у них – сортир во дворе, а в доме – один лишь водопровод (без канализации) и газ.

На въезде в поселок меня, как это и раньше бывало, остановила охрана. Но это здесь в порядке вещей, а вот дальше

началось что-то непонятное. У ворот дома Андреева была припаркована служебная милицейская «Волга» без водителя, а вместо его обычной охраны стояли деревенские парни, которые хоть и пялились на меня с любопытством, но даже не попробовали остановить. Я вышла из машины и огляделась. Картина меня не порадовала. Я помнила ухоженный мини-парк с аккуратными дорожками и подстриженной травой, а сейчас все тут было заплевано шелухой от семечек, повсюду валялись сигаретные окурки и прочий мусор, да и сам дом снаружи выглядел крайне неухоженно.

Меня вышел встречать Михаил Петрович Сазонов, начальник службы безопасности Андреева и брат его жены, не знаю уж, как его правильно назвать: сват или шурин, – я в этом не разбираюсь. Вид он имел несколько помятый, да и спиртным пахивало от него неслабо.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна. Проходите скорее, мы ждем вас. И очень вас прошу, постарайтесь не обижаться на Семена Ивановича – ситуация действительно крайне сложная. Он ведь даже в больнице не рискнул остаться, сюда вернулся долечиваться!

– Я предпочитаю деловые отношения по схеме «заказчик – исполнитель». И если он будет держаться «в рамках», наше сотрудничество окажется достаточно плодотворным, – холодно ответила я.

В доме было ничуть не лучше, чем снаружи: грязь, запустение, пыль и вонь – жуткая вонь от дешевых сигарет, пе-

регара, бочковых солений и, главное, грязи – она ведь тоже свой запах имеет. Да это же хлев какой-то, а не дом, еще недавно бывший таким ухоженным и чистеньким! «Господи! Да что же тут произошло?!» – подумала я, недоуменно озираясь. Заметив мою реакцию, Сазонов тихонько, мягким тоном сказал:

– Татьяна Александровна, постарайтесь ничему не удивляться. Приехали братья Семена Ивановича с детьми, а они – люди простые.

В большой комнате на первом этаже, куда меня привел Сазонов, я увидела эту простоту во всей ее неприглядности. На покрытом крошками, пятнами и какими-то лужицами столе из дорожущего натурального дерева вперемешку стояли бутылки, стаканы и тарелки с квашеной капустой, солеными огурцами и помидорами, с крупно нарезанными кусками сала, копченого мяса и хлеба. Андреев был пьян вусмерть! Когда же он успел так набраться? Неужели пока я сюда ехала? Ведь по телефону он со мной относительно трезвым голосом беседовал! Так вот, Андреев с опухшей, давно не бритой рожей полулежал в халате на диване с задранный на подушки ногой – она была в гипсе, как и его левая рука. Четверо похожих на него внешне, в данный момент задрипанных и опустившихся, но некогда явно очень здоровых мужиков сидели вокруг стола. Это и были, как я поняла, его братья из деревни, и, судя по их виду, они пили и пили, не просыхая, еще с середины двадцатого века, по крайней мере. Сей-

час они тоже лыка не вязали. Вошедший со мной Сазонов, выглядевший на их фоне свежим, только сорванным с грядки огурчиком, тихо прошел в комнату и плюхнулся в кресло недалеко от украшавшего эту компанию своим присутствием полковника милиции, сидевшего немного в отдалении от деревенских дядечек с каменным лицом. Уму непостижимо, как я не задохнулась: к вони, царившей в холле, добавился еще и стойкий «аромат» давно не мытого тела и грязного белья. Короче говоря – смердело в комнате! Жутко смердело!

«И какого черта я сюда приперлась? – невольно подумала я. – Нет, надо делать ноги, причем немедленно!»

Наверное, это желание так явственно отразилось на моем лице, что даже Андреев в его слабо вменяемом состоянии все понял и, с трудом артикулируя, объяснил:

– С горя пьем, Татьяна Александровна! Вы мою сестру помните?

– Какую сестру? – удивилась я.

– Секретаршей она у меня работала, – объяснил он.

– Мария, кажется? – вспомнила я.

– Она самая, – хмуро подтвердил он, кивнув, от чего центр тяжести его тела сместился, и он чуть не свалился на пол.

– Моя жена, между прочим, – вставил подскочивший к нему Сазонов.

– Так вот, нет больше Мани! Ох и поуродовало ее!.. В закрытом гробу хоронили! Вот ведь беда у нас какая! А на ее

месте я, – он шарахнул себя правой рукой в грудь, – должен был оказаться!

Я повернулась к Михаилу Петровичу, собираясь выразить ему свои соболезнования, но не стала – он совсем не выглядел убитым горем мужем. Поняв, что с самим Андреевым беседовать бесполезно – он впал в слезливо-подавленное состояние и таращился на меня бессмысленным взглядом, – я решила обращаться к Сазонову и предложила:

– Давайте перейдем к делу.

– Рассказывай, Юрка! – приказал Андреев милиционеру, на миг протрезвев.

Полковник никак внешне не прореагировал на такое панибратское обращение и представился:

– Юрий Михайлович Ершов, начальник Кировского райотдела. Центральный рынок находится на моей территории, – и он протянул мне свою визитку.

– Татьяна Александровна Иванова, частный детектив, – в свою очередь представилась я, проходя и садясь рядом с ним, и дала ему свою визитную карточку.

– Вот она-то во всем разберется! – влез Андреев с самым хамским видом и тоном. – А ты, Юрка, – бестолочь! И как ты только до полкаша дорос? – издевательски спросил он.

У Ершова даже бровь не дрогнула, а я смотрела на Семёна Ивановича, который продолжал изощряться в остроумии, как он его понимал, и поражалась: как этот человек с двумя высшими образованиями и кандидатской степенью мо-

жет быть такой скотиной? Правильно говорят, что образованность отнюдь не является синонимом интеллигентности и порядочности. С Андреева, словно с дешевой побрякушки, слез лак, обнажив его истинную натуру зарвавшегося наглеца, упивающегося своей властью, и хамство перло из него, как вонючая пена из кастрюли с прокисшими щами. Неприглядное это было зрелище, отвратительное до тошноты. То, что Ершов никак на это не реагирует, – его дело: может, платит ему Андреев хорошо, вот он и терпит, только лично я не стала бы мириться с подобным отношением ни за какие деньги. Но это – их дело.

– Семен Иванович! Мы теряем время! Мое время! – твердо заявила я, вставая. – Если ваши взаимоотношения с полковником Ершовым в данный момент для вас важнее собственной жизни, можете продолжать, но – в мое отсутствие.

Тут проняло даже пьяных братьев, и они с недоумением уставились на меня, не понимая, как это я осмелилась возразить самому Семену Ивановичу. А вот он сам резко сдал назад.

– Извините... Накипело... – пробормотал он.

«Молодец среди овец, а на молодца и сам овца», – мысленно хмыкнула я.

– Я слушаю вас, Юрий Михайлович, – обратилась я к полковнику.

– Дело было так, – начал он. – В почте, которую разбирала Мария, оказалась бандероль с надписью: «Лично Андре-

еву С.И.». Как мы поняли, она не удержалась и из любопытства решила посмотреть, что там. Сняла оберточную бумагу и бросила ее в корзину для мусора, поэтому мы знаем, что ни адреса рынка, ни обратного адреса там не было, как и отметок почтового отделения. Потом Мария открыла коробку конфет – она и скрывалась под оберткой, – и...

– Взорвалась? – догадалась я, и он кивнул. – Отпечатки какие-нибудь нашли?

– Никаких, – безрадостно констатировал он. – А самое главное, что, судя по записям камер наблюдения, посторонние ни в тот день, ни накануне в офис Центрального рынка не заходили, а вход туда только один – через охраняемый двор.

– Что эксперты говорят? – спросила я.

– Стандартная схема, мы с такими уже сталкивались, – сказал Ершов. – Только поражающих элементов туда напихали до черта.

– А Андреевы как только узнали об этом, так на следующий день и приехали, – дополнил Сазонов. – Ну, сами понимаете, тут похороны, поминки... Вот и решили они до девяти дней остаться, а тут на Семена и второе покушение совершили.

– Где охрана Семена Ивановича? – спросила я. – Что-то у ворот я ее не увидела.

– В такие минуты, Татьяна Александровна, рядом не наемники нужны, а семья, родные, – назидательным тоном со-

общил Сазонов. – Вот Семен охрану с прислугой на рынок и отправил, а их тут наша родня заменила.

– Почему на рынок? – удивилась я.

– Так они же все там числятся, – объяснил он. – У них там и трудовые книжки лежат, и отчисления в Пенсионный фонд оттуда идут. Когда ситуация поутихнет, они сюда и вернутся.

– С этим ясно, – кивнула я. – Ну, документы я потом посмотрю, а сейчас скажите мне, что дальше было, – попросила я.

– Ну, не дураки же мы, – усмехнулся Сазонов. – Сразу поняли, что это в Семена целили, а моя жена случайной жертвой стала. С тех пор он стал в машине охраны с племянниками ездить, а его тачка сзади шла, пустая.

– Как я понимаю, это не помогло? – заметила я.

– Вот именно! Отсюда в город одна дорога, а она по мосту через овраг идет. Вот там-то этот гад за колонной и спрятался! Они на середину моста выехали, когда он начал из автомата палить, причем, заметьте, именно по машине охраны! – подчеркнул это обстоятельство Михаил Петрович.

– Жертвы? – кратко спросила я.

– Двое наших племянников погибли, – скорбным тоном сказал Сазонов. – Они впереди сидели, а сам Семен – сзади. Когда это все началось, он сразу же на пол между сиденьями упал, это его и спасло. А промедли он чуток, мы и его уже похоронили бы, потому что вся спинка заднего сиденья – в дырах. Ну, как тут им не запить? – спросил меня Сазонов.

– Но вы-то почти трезвый, – возразила ему я.

– Служба не позволяет, а то и сам с горя напился бы, – вздохнул он.

– Как я понимаю, вас ни в одной из этих машин не было? – спросила я.

– Так я же в городе живу, не здесь, – объяснил он.

– Юрий Михайлович, вам что-нибудь по этому поводу известно? – Я повернулась к Ершову.

– Я разговаривал с водителем второй машины, – сказал Юрий Михайлович. – Он вышел, когда выстрелы стихли, подбежал к ограждению и увидел, как мужчина в маске и камуфляжной форме сбежал по насыпи вниз, где его ждала машина с включенным двигателем, причем он сел на водительское сиденье. Номер ее наш парень не запомнил.

– Да если и запомнил, так это ничего бы не дало, – отмахнулась я. – Сами же знаете, как это делается. Старых машин, что по дворам почти без присмотра стоят, – пруд пруди, и снять с двух из них по номеру – дело пяти минут. Потом из другого района угоняется машина, на нее и навешиваются эти номера: один впереди, другой сзади, чтобы свидетелей запутать. Там же, под мостом, как я помню, дорога идет к Волге, потом она раздваивается, и одна идет к городу, а другая – в область, аккуратно мимо свалки. Бросить там машину, переодеться, потом плеснуть бензинчика – и поминай все улики как звали. Так, Юрий Михайлович?

– Я разговаривал с ребятами из Тепловского райотдела,

там на свалке действительно угнанная машина сгорела, но они над этим работают, – подтвердил он.

– Да, неглупый нам противник попался, – вздохнула я. – Чем-то мне эта ситуация лихие девяностые напоминает! Я тогда, конечно, еще так не работала, но люди опытные мне о многом подробно рассказывали. Кстати, а ведь сейчас начали выходить на свободу те, кого в те годы посадили. Что вы по этому поводу думаете?

– Имеете в виду личную месть по старым делам? – спросил он, и я кивнула. – Первым делом эту версию отработал, но из-за Андреева никого не посадили. Нет, не оттуда у этой истории ноги растут, – уверенно закончил он.

– А что с третьим покушением? – спросила я.

– Машину Семена Ивановича заминировали прямо на рынке и там же взорвали. Прямо под то место, на котором обычно Семен сидит, заряд установили, – вместо Ершова ответил мне Сазонов. – Его только то спасло, что сесть-то он в машину сел, а вот дверцу еще не закрыл, замешкался. Тут-то и рвануло! Его взрывной волной выбросило прямо на ящики, что возле стены стояли. Вот он и не пострадал. Но если бы не эти деревяшки, он прямо в стенку бы вписался, и тогда еще неизвестно, выжил ли.

– Нервишки у преступника не выдержали, вот он раньше времени кнопку и нажал – мина-то радиоуправляемая была, – объяснил Юрий Михайлович.

– У вас там проходной двор? – невинно поинтересовалась

я у Сазонова. – Заходи кто хочет и делай что хочешь?

– Зачем вы так? – обиделся он. – У нас и шламбаум, и камеры наблюдения...

– Только они у них на въезд направлены, а весь двор не просматривается, – добавил Ершов.

– Что по взрывному устройству? – спросила я.

– Совсем другая картина. Очень качественно сработано! Делал знающий человек, но не профессионал – у тех схема отработанная, а этот тип умудрился ее усовершенствовать. Одним словом, Кулибин на нашу голову откуда-то взялся, – хмуро сообщил Ершов. – Отпечатков там, опять же, никаких, но и поражающих элементов нет. И со взрывчаткой тоже непонятно – маловато ее было, чтобы машину действительно подорвало и пассажиров убило. Такое впечатление складывается, что его просто попугать хотели.

– Странная история, – задумчиво сказала я. – И преступник нам какой-то странный попался... Точнее, преступники, потому что у меня есть мнение, что тут не один человек работал.

– Вам тоже так кажется? – Ершов повернулся ко мне и пустился в рассуждения: – В первый раз жертвой должен был стать именно Андреев, которому предназначалась бандероль, но преступник почему-то не поскупился и напихал в посылку всякие железяки. Во втором случае он стрелял из автомата, понимая, что может убить и ни в чем не повинных людей. В третьем он очень аккуратно установил отлично

сработанную мину прямо под то сиденье, на котором обычно сидит Андреев, чтобы пострадал только он, но при этом сэкономил на взрывчатке. Машина ведь даже не загорелась.

– И действительно никто больше не пострадал? – удивилась я.

– Племянники наши, сидевшие впереди, в больницу попали, но они уже на поправку идут, их вот-вот выписать должны, – встрял Сазонов.

«Эдак преступники скоро всех Андреевых изведут или покалечат», – подумала я.

– Ну, и сколько же их, по-вашему? – спросил Ершов. – Преступников то есть.

В ответ я просто пожала плечами – не знаю, мол, пока что – и сказала:

– Уголовное дело я, с вашего позволения, потом посмотрю, если потребуется. Вы случайно фотографии с места преступления не принесли?

– А как же! Вот они. – Ершов достал из папки пачку фотографий и протянул мне. – Тут еще и кадры с камеры наблюдения.

Я просмотрела все это и поинтересовалась:

– Кто машину мыл? Вот, смотрите, – я показала им один снимок и объяснила: – Тут лужи воды на земле вокруг машины, а раз она не загорелась, то и тушить ее не надо было, значит, вода могла только после мытья остаться.

– Некто Кефир, бомж, обычно он этим занимается, – со-

общил мне Сазонов. – У рынка он крутится, там же и живет, на старом складе, куда всякий хлам складывают. Мебель поломанную и все такое.

– То есть внутри охраняемой территории? – уточнила я.

– Ну да! – подтвердил Михаил Петрович.

– А человеческое имя у него есть? – спросила я. – Документы?

Сазонов и Ершов синхронно пожали плечами.

– Что вы вообще о нем знаете? – настаивала я.

– Да это же алкаш! – презрительно бросил Сазонов. – Правда, исполнительный, тихий, скромный, воды не замутит, глаз ни на кого не поднимет! Шмыгает себе тихонько по двору, подметает, поливает, а за шлагбаум даже нос не высовывает – милиции боится, потому что твои доблестные менты, Юрочка, – и он издевательски улыбнулся Ершову, – его как-то раз так отметилили, что он потом неделю отлеживался.

«Можно подумать, что Андреевы – не алкаши», – мысленно хмыкнула я и спросила:

– И давно он у вас на рынке обитает?

– Да с зимы вроде, – подумав, ответил Михаил Петрович. – Точно, с зимы! – уже более уверенно и поэтому радостно сообщил он. – То-то я помню, что после Нового года у нас во дворе всегда чисто было и лед склот с асфальта.

– Ну, и где теперь этот Кефир? – спросила я.

– Не знаю, – недоуменно ответил Михаил Петрович. –

Мне сейчас как-то не до него.

«И это – начальник службы безопасности! – мысленно возмутилась я. – Да приличные люди такому разгильдяю свой двор подметать не доверили бы! Но он брат жены! Как же его не взять на теплое местечко!»

– Я пытался его найти, но он сразу после взрыва словно сквозь землю провалился, – Ершов развел руками. – Тем более что и установочных данных на него никаких нет. Мы прочих бомжей рыночных отловили и допросили, но они или не знают его настоящее имя – что у них в порядке вещей, – или знают, но молчат.

– Полагаю, искать следует уже его труп, – невесело заметила я. – А тело, скорее всего, перетащили в соседний район – у вас же почти граница, Фрунзенский район совсем рядом. Не думаю, что преступник особо заморачивался и в лес или еще куда-нибудь его отвез: хлопотно это и небезопасно, а вот в соседний район труп подбросить – это да. Так что в морге этот Кефир. Ориентируйтесь на дату последнего покушения, на его возраст и на то, что он – бомж. Если найдутся подходящие тела, надо будет опознатушки провести.

– Считаете, что бомжа уже убили? – спросил Юрий Михайлович.

– Не стоит недооценивать преступника. Судя по тому, как он себе пути отхода с моста приготовил, он мужик битый. Не мог он не понимать, что после подрыва машины все на Кефира подумают, а от него до преступника, сиречь заказчи-

ка, – рукой подать. Кефиру ведь всего и надо-то было: присесть, чтобы диски на колесах протереть, мину из-под рубашки вынуть, прикрепить ее, а потом на кнопку нажать, – рассуждала я.

– Преступник мог и сам нажать, – возразил мне Ершов, и я, подумав, согласно кивнула. – И зачем нам, Татьяна Александровна, его труп искать? Ну, откатаем мы его пальчики, а с чем их сравнивать-то? Отпечатков-то у нас вообще никаких нет. По характеру убийства пойдем, кто преступник? Тоже вряд ли. Нам с вами живой Кефир пригодился бы, но я, подумав, соглашусь с вами, что в таковых он уже вряд ли числится.

– Да, с этим я, пожалуй, погорячилась, – признала я свою неправоту, хотя и трудно мне было это сделать, не привыкла я свои ошибки признавать. – Труп нам ничего не даст. А вот того, кто Кефира нанял, нужно искать где-то рядом с вами, Семен Иванович, – уверенно заявила я.

Я повернулась к нему и обомлела, потому что все Андреевы, в количестве пяти штук, дружно спали и храпели при этом – утомились, бедняжки, выпиваячи. Семен Иванович изволил почивать на диване, а вот его братья заснули прямо за столом, уткнувшись мордами кто во что. А что я на храп внимания не обратила, неудивительно – уж слишком увлеклась беседой с Ершовым. Неплохой мужик, кстати, оказался, и неглупый, жаль только, что позволяет Андрееву так с собой обращаться.

– Ну, что ж, Михаил Петрович, – вздохнув, сказала я. – Ваш выход! Будите вашего шефа, попытаемся до мотивов докопаться.

Сазонов сначала осторожно, а потом уже без всякого почтения затряс Андреева, желая привести его в чувство, но быстро выдохся и оставил хозяина в покое, чтобы отдышаться. Да, нелегкая это работа – приводить «в сознание» беспробудно пьяного человека. Воспользовавшись этой паузой, я спросила:

– А что же Клавдия Петровна из деревни не вернулась, чтобы за мужем ухаживать?

– Да не была она там, – отмахнулся он.

– Семен Иванович смиростивился и простил ее? – хмыкнула я: недавняя безобразная сцена в больнице до сих пор стояла у меня перед глазами.

Сазонов посмотрел на Андреевых и, увидев, что все они спят беспробудным сном, подошел и присел рядом со мной.

– Беда у нас, Татьяна Александровна, – шепотом сказал он.

– С вашей сестрой что-то случилось? – спросила я.

– Ну... Можно и так сказать, – смущенно ответил он. – Понимаете, она ведь категорически отказалась в деревню ехать. Такой скандалище мне закатила, что перед посторонними неудобно было. А потом заявила, что уходит от мужа. Срамота-то какая! – Он сокрушенно помотал головой.

– Почему же? – заметила я. – Дело-то насквозь житейское.

– Ай, вы не понимаете! – отмахнулся Сазонов. – У Андреевых никто и никогда не разводился. Ни-ког-да! А тут от Семена жена ушла! Позор-то для него какой – перед братьями!

– А он-то тут при чем? Она же от него ушла, а не он от нее! – удивилась я.

– А как же иначе? – тихонько воскликнул он. – Муж всему дому голова, он за все и отвечает. Господи, я чуть со стыда за нее не сгорел, когда Семену все это рассказывал. Вот мы братьям его и сказали: Клава, мол, за границу уехала, хочет в очередной раз себе рожу подтянуть и фигуру подправить. Они и не удивились – любительница она всех этих дел.

– Где же она на самом деле? – спросила я.

– А черт ее знает! – буркнул он. – Она ведь даже вещи свои не забрала, а прямо в том, в чем была, и ушла. Я ее тогда в приемном покое оставил, а сам пошел Семена искать – надеялся уговорить его простить жену, потом, мол, утрясется эта история как-нибудь, одумается Клавка. А он уперся – и ни в какую. Ну, вернулся я к ней, в приемный покой то есть, а ее там нет уже. Кинулся я ее искать, а девчонки мне сказали, что она из больницы вышла, машину какую-то поймала и уехала неизвестно куда.

– Я смотрю, ее судьба вас совсем не интересует, – укоризненно сказала я. – А вдруг с ней беда какая-нибудь приключилась?

– Будь так, она позвонила бы! А раз молчит, значит, все у нее в порядке. Вот я и не волнуюсь за нее, – объяснил он. –

Да и не до нее нам сейчас, честно говоря. Сами же видите, что творится.

– Вы сами ей звонить не пробовали? – спросила я.

– И не раз, да только без толку, наверное, она номер телефона сменила, – отмахнулся он.

– А где Иван? – спросила я.

– Где ж ему быть, как не в Германии, вместе с Вандой? – удивился Михаил Петрович. – Семен тогда очень быстро новые документы выправил и загранпаспорта – и ей, и Манане. Я сам по всем этим делам ездил. Ох и покрутиться мне пришлось, да и заплатить, само собой. Вот мы их и отправили, чтобы Ванда долечилась там и с родней познакомилась. А через некоторое время и Иван туда отправился – он же без Ванды дышать не может.

– Ну, это я и сама знаю, – кивнула я. – И как он там?

– А он нам звонит? – обиженно спросил Сазонов. – Когда рядом девчонка любимая, о родителях быстро забывают! Но если бы случилось с ним что-то, нам тут же сообщили бы!

– А что ж вы сами не позвоните? – поинтересовалась я.

– Пробовали, но он, наверное, местную симку купил, так что не поговорить с ним, – объяснил Михаил Петрович. – Я думаю – и к лучшему это. Ну, узнал бы он, что отец ранен. Сорвался бы сюда? А вдруг и сам стал бы случайной жертвой, как моя жена? Нет, это хорошо, что он далеко! В безопасности! – убежденно сказал он.

– Михаил Петрович, дайте-ка мне на всякий случай но-

мера сотовых телефонов вашей сестры и Ивана, — достав и открыв органайзер, попросила я его.

— Конечно, — охотно согласился он и все продиктовал, а я самым аккуратным образом записала. — Только зачем это вам? Вы же до них все равно не дозвонитесь.

— Попробую что-нибудь придумать. А поговорить я с ними хочу, потому что такие покушения, как на Семена Ивановича, в один день не готовятся, — объяснила я. — Иван и Клавдия Петровна могли что-то заметить, но в тот момент не придать этому значения, а ведь вполне может оказаться, что это очень важно для расследования.

— Да что они могли заметить? — Сазонов пренебрежительно махнул рукой. — У Ваньки голова Вандой была занята, а у Клавды... — он скривился. — У нее отродясь, кроме шмоток и побрякушек, других интересов в жизни нет. Вы же ее видели!

Сазонов поднялся, подошел к Андрееву и попытался посадить его, подперев подушкой, желая придать хозяину некое подобие вертикального положения, но у него ничего не вышло. Он, отдуваясь, отступил на шаг, чтобы со стороны оценить реальный объем предстоявшей ему работы, и тяжело вздохнул.

— Знаете, Михаил Петрович, у меня по поводу вашей сестры одна очень нехорошая мысль имеется, — подумав, сказала я.

— Неужели о том, что она к этим покушениям причаст-

на?! – с обалделым видом спросил он, поворачиваясь ко мне.

– А вы сами подумайте, – предложила я ему. – Муж ее оскорбил, побрякушки, как вы выразились, у нее отобрал, она обиделась и ушла в чем была. И поехала она к какой-нибудь из своих подруг. Там она успокоилась и стала вынашивать планы мести.

– Клавка, конечно, редкостная стерва, но на такое у нее ни ума, ни духа не хватит! – возразил Сазонов, но явно заинтересовался и снова присел рядом со мной.

Вот уж чего-чего, а впечатления стервы на меня эта молодящаяся недалекая бабенка вовсе не произвела.

– Семен Иванович говорил, что Клавдия Петровна – большая любительница массажистов и тренеров по фитнесу, так не через них ли она действует? – предположила я. – У этих людей клиентура самая разнообразная, они могли и найти кого-нибудь для такого черного дела.

– Зачем ей это? – удивился Михаил Петрович.

– А почему она на развод и раздел имущества не подала? – спросила я. – Андреев говорил, что они все вместе наживали, так что по закону, как ни крути, половина – ее. А вдруг она захотела не половину, а все? Она же, как жена, наследует мужу?

– Не там ищите! – усмехнулся Сазонов. – У Семена завещание на Ивана написано, как и у нее, кстати. Ну и что она от смерти Семена выиграет?

– Резонно, – согласилась я. – А что вы по поводу развода

думаете? Почему она на развод-то не подает?

– Да кто ж ее знает? – Он удивился и пожал плечами. – Может, она выгадывает что-нибудь? Хотя что она может выгадать, со своими-то мозгами!

– Скажите, Михаил Петрович, ваши родители живы?

– Отец с двумя моими старшими братьями утонул, когда я еще совсем мальчишкой был, Клавка вообще тогда в люльке лежала. Поехали они на рыбалку осенью, ветер сильный поднялся, вот лодка и перевернулась. Вода-то уже холодная была, так никто из них и не выплыл, – вздохнул он.

– Грустная история, – посочувствовала я ему. – А ваша мать жива?

– Не знаем мы, – смущенно ответил он.

– Как это? – удивилась я.

– Долгая история, – отмахнулся он.

– А я никуда не тороплюсь, – возразила я.

– Ну, ладно! – согласился он и начал рассказывать: – Мама моя, Зинаида Тимофеевна Сазонова, – женщина совершенно героическая. Когда война началась, ей только-только одиннадцать лет исполнилось. Она тогда в Белоруссии жила, и их деревню фашисты вместе с жителями сожгли, единицы уцелели, среди них и наша мама со своим отцом. Ушли они в лес, к партизанам прибились, и мама связной была между партизанами и подпольщиками в городе, а потом они с армией до самой победы провоевали – дед как-то с командованием договорился, чтобы ее в детдом не отправляли. Так

что боевых наград у нее – на пиджаке не помещаются.

– Ого! – невольно воскликнула я.

– А после войны они к родне своей дальней в Салтыковку приехали. Мужиков тогда там было – раз, два и обчелся, вот деда председателем колхоза и поставили, а он маму нашу, когда школу окончила, в сельскохозяйственный институт учиться отправил, на агронома. А когда дед занемог и трудно ему стало по полям да совещаниям мотаться, уговорил он колхозников ее председателем выбрать. И сделала она колхоз наш миллионером! А сама получила орден Трудового Красного Знамени, а потом и Героем Социалистического Труда стала! Как вы думаете, какой характер для этого надо иметь?

– Железобетонный! Или даже титановый! – уверенно ответила я.

– Вот то-то же! – выразительно сказал он. – Такой матерью можно и нужно гордиться, что мы с Клавкой всю жизнь и делаем, а вот жить с ней – нельзя! Ее в колхозе за глаза царицей звали, вот так, – он показал мне сжатый кулак, – она всех держала. Никто и пикнуть не мог!

– Это я понимаю, но как же произошло, что вы теперь даже не знаете, где она живет? – спросила я.

– Видите ли, мама очень не любит Андреевых. Просто ненавидит их всех! Мы все в Салтыковке жили, а потом наш колхоз укрупнили и правление в Расловку перенесли, вот мама туда с Клавкой и уехала, а я из-за Мани в Салтыковке, у

деда с бабкой по отцу, остался.

– Это в каком районе? – по привычке уточнила я.

– В Первомайском, – ответил Сазонов и продолжил: – Когда мама узнала, что я на Мане Андреевой жениться собрался, передала мне, чтобы ноги моей в ее доме не было и что знать она меня больше не хочет. Она даже на свадьбах не была – ни у меня, ни потом у Клавы. В общем, отказалась она от нас. Хорошо еще, что не прокляла, ведь материнское проклятье – это такая вещь, что и в могилу можно раньше времени лечь!

– Неужели вы так ничего о своей матери и не знаете? – недоверчиво спросила я.

Сазонов поднялся и вернулся к своему нелегкому труду по очеловечиванию Андреева, попутно объясняя:

– Федор говорил, что в начале восьмидесят пятого года она, выйдя на пенсию, дом наш в Расловке продала и в Тарасов уехала. Мы с Клавой искали ее через адресное бюро, но так и не нашли, – с огромным облегчением выдохнул он, потому что умудрился-таки усадить Андреева, и, со стоном разгибая спину, попросил: – Только, Татьяна Александровна, очень вас прошу: не надо обсуждать с Семеном его отношения с тещей, женой и сыном – орать начнет! Уж очень он на них всех обижен!

– Ну, на меня не больно-то поорешь! Пошлю вас всех куда подальше, и живите себе как знаете! – пригрозила я ему. – А ваши семейные дразги мне до лампы, сами разбирайтесь!

А теперь скажите мне: кто еще занимается этими покушениями? Я имею в виду – в областном управлении.

– Мы подумали, что не стоит людей тревожить, – сказал Сазонов, усиленно глядя в сторону, и я почувствовала, что он чего-то недоговаривает. – Этим занимаются Кировский и Тепловский райотделы, а теперь еще и вы.

– Почему же здесь из Тепловского отдела начальника нету? – удивилась я.

– А зачем он нам тут? – пожал плечами Михаил Петрович, опять-таки не глядя на меня.

Опа! Это уже что-то новенькое! Еще совсем недавно и по гораздо более ерундовому поводу – если сравнивать с этим, конечно, – Андреев поднял на ноги всю тарасовскую милицию, а теперь, когда речь идет о его жизни, он вдруг так поскромничал? С чего бы это? Тут я вспомнила, что о покушениях на него ни в одном СМИ ничего не было. И начальника Тепловского райотдела он на помощь не позвал, хотя, по идее, должен был это сделать. Нет, тут явно что-то скрыто-зарыто! Но я легко это выясню у подполковника милиции Кирьянова Владимира Сергеевича, моего давнего и верного друга.

– Водой надо! – раздалось у меня над ухом, и я вздрогнула.

Занятая разговором с Сазоновым и своими размышлениями, я совсем забыла о Ершове, который до этого момента молчал и ни во что не вмешивался и только сейчас дал Михаилу Петровичу единственный уместный в данном случае

совет, потому что, даже сидя, Андреев упорно отказывался приходить в чувство.

– А что? Правильно! – поддержала я Юрия Михайловича. – Диван все равно загажен так, что его теперь только на помойку выносить. А сидеть здесь и ждать, когда ваш шеф добровольно очнется, у меня нет ни времени, ни желания. Так что или водные процедуры, или я уйду, потому что вид вашего спящего и храпящего Семена Ивановича – черт с ними, с остальными! – никак не отвечает моим эстетическим запросам.

Поняв, что я не шучу, Сазонов ушел и вскоре вернулся с ведром воды. Плеснув несколько раз водой в лицо Андрееву, он добился нужного мне результата, то есть клиент открыл глаза. Взгляд его был отчасти осмысленным, но вот настроение после такого неласкового пробуждения – явно не ахти. Предупредив возможный взрыв эмоций с его стороны, я с ходу заявила:

– Семен Иванович! Где-то рядом с вами находится или сам преступник, покушавшийся на вас, или предатель, сливающий убийце информацию. Причем находится он здесь, в вашем доме.

Начало его ответной тирады оказалось столь бурным, что не подлежало публикации даже в самой разнузданной желтой прессе, да и у Даля, я думаю, не хватило бы смелости включить эти выражения в свой словарь. Поняв, что это надолго, я встала, взяла пустую бутылку – а они, как и полные,

с водкой, имелись в комнате во множестве, — и с размаху ша-
рахнула ею по столу. Андреев заткнулся, а вот его братья
проснулись.

— А теперь повторяю для всех еще раз! — громко объясни-
ла я. — Рядом с Семеном Ивановичем находится предатель!
И если сейчас кто-нибудь откроет рот, то следующая бутыл-
ка будет полной! И я ее грохну — у вас на глазах!

Я затронула «святое», и тишина установилась мертвая.

— Объясняю доступно! — начала я. — Семен Иванович! Ва-
ши отношения с полковником Ершовым — это именно ваши
отношения, и не мне о них судить. Но он — профессионал!
Накануне и в тот конкретный день, когда погибла Мария, по-
сторонние в ваш офис не входили. Вывод: бандероль в уже
поступившую почту подложил кто-то из своих, причем зная,
что там внутри, — будь иначе, он или она оставили бы на бу-
маге свои отпечатки, а там вообще никаких нет. Второе. Кто-
то точно знал, что после первого покушения Семен Ивано-
вич садится в машину охраны, и преступник стрелял именно
по ней. Откуда он это узнал? Или вы по радио объявление
давали? Третье. Если наши с Юрием Михайловичем предпо-
ложения верны — а я в этом уверена почти на сто процентов
— и мину подложил Кефир, то встретить заказчика он мог
только во дворе вашего офиса. Не вы ли, Михаил Петрович,
совсем недавно говорили, что он носа со двора не высовы-
вал, потому что боялся милиции? А посторонних у вас не
бывает, с улицы туда просто так не войдешь! Итак! Преступ-

ник где-то очень близко, совсем рядом с вами! Если у вас есть что мне возразить, я вас слушаю!

Андреевы и Сазонов заговорили одновременно, вразнобой, невпопад, не слушая друг друга, но применяя при этом такие «изысканные» выражения, которые сочла бы неприличными даже много чего повидавшая на своем веку старая извозчицья лошадь. Скоро мне это надоело, я решительно взяла полную бутылку водки – и тут же стало тихо.

– Вообще-то «жучок» могли в дом подсунуть, – подал голос Ершов.

– Кто? – быстро спросила я. – Клавдия Петровна? По очень веским причинам – отпадает! – Сазонов согласно кивнул, как и Андреев. – Иван, на которого отец надышаться не может и ради его девушки очень значительно потратился? Ему-то смерть отца зачем? – продолжила я. – Так что он тоже ни при чем! Прислуга или охранники, которые работали здесь, горя не мыкая, с учетом того, что у них и трудовые книжки пристроены, и отчисления в Пенсионный фонд идут? Где они еще найдут такую работу? Так кто же установил «жучок»? – повторила я свой вопрос.

– И все равно, проверить не помешает, – настаивал Юрий Михайлович. – Если никто не возражает, я подошлю сюда специалистов, они весь дом проверят.

– Зачем откладывать хорошее дело на потом? – возразила я. – У меня, как я его называю, жучколов в машине, можно прямо сейчас и посмотреть.

Не дожидаясь ответа, я встала и вышла во двор, достала из машины свой «тревожный чемоданчик» и вернулась в дом. Расчехлив прибор, я спросила:

– Ну, кто со мной? Чтобы уж ни у кого никаких сомнений не осталось.

– Я, наверное, – сказал, вставая, Сазонов.

Для начала я проверила большую комнату, где мы все находились, а потом отправилась в сопровождении Михаила Петровича в обход по дому. Я старательно не смотрела по сторонам, потому что уж слишком неприглядное это было зрелище – Андреевы умудрились так испаскудить еще совсем недавно чистый и уютный дом, что на пол даже плюнуть было противно. Много времени эта работа не заняла – на технические новшества для работы я никогда не скупилась, – и, когда мы вернулись к Семену Ивановичу и К^о, Сазонов доложил:

– Все чисто! Никаких «жучков» нет.

– А это возвращает нас к уже высказанному мной предположению, что предатель или даже сам преступник находится в доме, – добавила я.

Если слова Михаила Петровича были выслушаны в groboвой тишине, то после моей реплики раздались бессвязные возмущенные крики. Я не стала надрывать себе горло, а пошла уже проторенным путем, то есть потянулась за полной бутылкой водки, но мне даже не пришлось брать ее в руки, потому что присутствующие тут же заткнулись.

– Итак, продолжим! Как я вижу, конструктивных предложений ни у кого из вас нет, разумных контрдоводов – тоже. Поэтому давайте выясним мотив этих преступлений. Если мы отгадаем мотив, то и преступника вычислим или хотя бы определим направление, где нам искать этого супостата. Так что отвечайте мне, Семен Иванович, как на духу: кому выгодна ваша смерть?

То ли водные процедуры на него так повлияли, то ли он выспался немного, пока нас не было, то ли мысль о том, что предатель где-то у него под самым боком, а может, и все это вместе так на него подействовало, что взгляд его стал довольно-таки осмысленным, и он уверенно заявил:

– Никому!

– Зайдем с другого края, – предложила я. – Центральный рынок – это закрытое акционерное общество. Кто акционеры?

– Я с Ванькой, жена, мать ее...

– Семен не ругается, он просто имеет в виду свою тещу, – объяснил Сазонов.

– Минутку, вы же сказали, что не знаете, где она? – удивилась я. – А в реестре акционеров адрес должен быть указан.

– Туда ее старый, расловский, вписали, – объяснил Сазонов.

– Но зачем вы все это сделали, если так дружно ее не любите? – недоумевала я.

– Потому что совесть у нас есть, – значительно ответил

Андреев.

– Понятно. Кто еще? – спросила я.

– Ну, братья мои, – добавил Андреев.

– Семейный бизнес, – кивнула я. – А по процентам?

– У братьев по пять, а остальное – у нас четверых в равных долях, – ответил он.

«Все ясно: Зинаиде Тимофеевне наследуют Клавдия, у нее завещание на сына, и еще Михаил, женатый на Марии Андреевой. Таким образом, все опять-таки остается в семье».

– С этим разобрались, а теперь поведайте мне, Семен Иванович, что нового произошло в жизни вашей семьи с момента нашей с вами последней встречи, а состоялась она... – Я открыла органайзер и, найдя нужную запись, сказала: – Четырнадцатого июля. Не так уж давно это и было, так что и большое количество событий за это время произойти не могло. Вот и повествуйте: не наехал ли кто-нибудь на рынок, хорошо ли идет торговля, не активизировались ли ваши конкуренты – и так далее. Одним словом, все как на исповеди – от этого ведь ваша жизнь зависит, не моя.

Андреев потянулся было к бутылке, и я невинным тоном спросила:

– Мне уйти?

– Стерва ты... Вы! – рявкнул он, но, посопев немного, начал рассказывать: – На рынке все путем, торгуем нормально, никто на нас не наехал. Что еще? – Он задумался.

– Давайте по датам, – предложила я. – Когда Ванда и Манана в Германию уехали?

– Девятнадцатого мы их проводили, – вместо Андреева ответил мне Сазонов.

– Так, что дальше? – спросила я.

– Ну, потом я сам в Германию слетал, – сказал Семен Иванович. – Это было...

– Двадцать пятого июля, – ответил опять-таки Михаил Петрович. – И пробыл там Семен до двадцать девятого.

– Что вы там делали? – я продолжала допрос.

– Со старухой встретился, и решили мы в Тарасове «Немецкий дом» открыть. Прямые поставки разных товаров из Германии, от пива и сосисок до машин, – сообщил он.

– Это вы так фамильярно о фрау Шонберг, бабушке Ванды, отзываетесь? – уточнила я.

– О ней! – кивнул он. – Правда, поговорить нам толком не удалось – она по-русски уже ничего не помнит, а я в немецком – ни бельмеса. Да и старая она уже, больная. Нам сначала Ванька переводил...

– Ваш сын так хорошо говорит по-немецки? – удивилась я.

– Клавка его с детства заставляла и немецким, и английским, и французским заниматься, репетиторов нанимала, – буркнул он. – Танцы, теннис, верховая езда, бассейн... – презрительным тоном перечислял он. – Я-то хотел его драться научить, чтобы он за себя мог постоять, да она такой визг

подняла, что в ушах звенело. Вот и вырос слюнтяй! Ладно! Потом с ним разберусь! Нет, не он нам переводил, в то время его там и не было еще. У старухи другой Ванька есть, юрист он ее.

– Я поняла, – кивнула я. – Это, наверное, ее поверенный в делах, Иоганн Штерн.

– Во-во! Он! – подтвердил Андреев. – А еще там у него помощник есть, Карлушка. Тоже по-русски говорит. Вот он-то в основном мною и занимался. Мы с ним предварительно обо всем договорились, и я, вернувшись, начал здание подходящее искать.

– Тут наш Иван в Германию и улетел, – добавил Сазонов. – Тридцать первого июля это было.

– Спасибо, – кивнула я и спросила: – Так вы здание-то нашли?

– А я составил список всех помещений, для этих целей более или менее подходящих. А потом из Германии Карлушка прилетел, чтобы на месте посмотреть – он же всякие требования к помещениям лучше меня знает. Поездили мы по городу и остановились на бывшей Третьей швейной фабрике, – ответил Семен Иванович.

Услышав это, я тихо обалдела и уставилась на Андреева во все глаза, усомнившись в здравости его рассудка. Или он уже последний умишко пропил? Дело в том, что эта давно почившая в бозе фабрика располагалась в выстроенном черт знает когда здании, в Пролетарском районе, то есть очень

далеко от Центрального рынка. Как же Андреев собирался следить хотя бы за ее ремонтом? Неужели не нашлось ничего такого же подходящего поближе к его основному месту работы? Да вроде есть кое-что! Бывший маслозавод стоял всего в одном квартале от рынка и тоже вполне сгодился бы для этих целей. Он был даже удобнее, не только из-за своего местоположения, но и потому, что один занимал целый, пусть и небольшой квартал. Фабрику же окружали дома старого жилфонда, и стояли они буквально впритирку, крыша к крыше, и дорога туда вела только одна. Да чтобы там хотя бы парковку для машин сделать, придется не один дом снести и жильцам новые квартиры покупать, а прописано в таких халупах обычно по несколько десятков людей сразу. Я не экономист, конечно, но просто с позиции элементарного здравого смысла это было верхом глупости. Это какие же затраты! На сколько это удорожит проект? Кроме того, население в Пролетарском районе такое, что они в этот супер-пупер-маркет и не сунутся. От этой затеи даже москвичи отказались, а они уже и так пол-Тарасова скупили.

Озвучивать я свои мысли не стала, а просто спросила:

– Почему именно это здание?

– Уж очень оно мне понравилось, а Карлушка не возражал, – ответил Андреев.

«Господи, твоя воля, он что, совсем дурак?» – невольно подумала я.

Семен Иванович между тем продолжал:

– Я сразу с мэрией договорился и охранников там посадил, чтобы посторонние всякие хотя бы остатков фабрики не растащили. Пока суд да дело, пока аукцион пройдет...

– А что по этому поводу думает фрау Шонберг? – поинтересовалась я.

– Еще не знаю. Карлушка это здание досконально проверил, несколько дней по фабрике лазил и всю ее от подвала до чердака обследовал. Так что мою идею он одобрил и поддерживал, – похвастался Семен Иванович. – С тем в Германию и отбыл, старухе все доложить.

«Что-то здесь не так! – насторожилась я. – Андреев почему-то вел себя явно по-идиотски, но этот неведомый мне Карл его поддержал! Или Андреев напоил этого немца вустер, так что тот и «ату» связно сказать был не в состоянии, вот он этот бред и одобрил, не приходя в сознание!» – подумала я и спросила:

– Так вы ее уже купили?

– Заявку на аукцион подал. У меня для таких случаев карманная фирмешка есть – для участия-то как минимум два претендента нужны, – объяснил Андреев. – А тут выясняется, что питерцы тоже на эту фабрику глаз положили!

– И чем же дело кончилось?

– Да тут этому представителю питерцев так однажды вечером навалили... он рад был, что в живых остался, а еще – шепнули на ушко, чтобы он валил из Тарасова, да поскорее, – довольным тоном сообщил мне Андреев. – Так что

свою заявку он отозвал и был таков!

– Противозаконными методами бизнес ведете, Семен Иванович, – осуждающе сказала я.

– Я? – удивился он. – Зачем мне-то с ним связываться?

– То есть это не ваши дуболомы постарались? – уточнила я.

– Да вот тебе истинный святой крест! – перекрестился Андреев. – Фабрика, как ни крути, моя будет!

– Ладно! Поверю вам на слово, – сказала я и спросила: – Аукцион уже состоялся?

– Нет еще, да и старуха пока ничего не решила. Будь иначе, она бы Карлушку сюда прислала, – ответил он. – Вот и я не тороплюсь.

– Что еще новенького? – поинтересовалась я.

– А ничего! – развел руками он. – Только фабрика и этот проект.

Я немного подумала и повторила свой недавний вопрос:

– Семен Иванович! Ответьте мне предельно честно: вы действительно непричастны к нападению на представителя питерцев?

– Да что мне, матью поклясться, что ли?! – взорвался он. – Сказал же русским языком – нет! – Тут он осекся и уже другим тоном спросил: – Так ты... – под моим хмурым взглядом он тут же поправился: – Вы думаете, что в ней все дело?

– Кому-то очень хочется, чтобы фабрика досталась имен-

но вам. Кому? – Я выжидательно посмотрела на него. – Как я понимаю, на балансе мэрии это здание мертвым грузом висит, и они будут только счастливы от него избавиться, а уж в чьи руки оно попадет, им до лампады! Питерцы или москвичи даже предпочтительнее, потому что отстегнут они неслabo. И тут питерцев выводят из игры. Почему?

– Не знаю, – растерянно сказал Андреев.

– Ладно! С этим я сама разберусь, – сказала я, поднимаясь, и напомнила: – Деньги на расходы.

– Миха! Выдай! – приказал Андреев, и Сазонов достал из внутреннего кармана пиджака и протянул мне пухлый конверт, который я, не раскрывая, бросила в сумку.

– Пойду я. Будут новости – позвоню, – пообещала я.

– Я тоже пойду, Семен Иванович, – сказал Ершов, вставая.

– Ты, Юрка, Татьяне Александровне во всем помогай! Хоть так от тебя какая-то польза будет! – прежним хамским тоном высказался Андреев.

Мы с Ершовым вышли за ворота и направились к своим машинам, и я, не удержавшись, спросила:

– Почему, Юрий Михайлович?..

– Почему я все это терплю? – догадался он, и я кивнула. – Моя жена, Марина Сергеевна, работает на рынке начальником отдела кадров, и ей всего год до пенсии остался, – объяснил он.

– Этим-то он вас и держит, – поняла я и попросила его: –

Предупредите жену, что я к ней наведаюсь, хочу кое-какие личные дела посмотреть. Так уж пусть она будет со мной потокровеннее, а то ведь если до Семена Ивановича все-таки доберутся и власть сменится, еще неизвестно, как все обернется. А при нем у нее есть шанс доработать до пенсии.

– Предупрежу, – пообещал он.

По дороге в город я, переехав через мост, остановилась, вышла из машины, осмотрелась и, к неудовольствию своему, поняла, что не ошибалась – преступник явно мужик бывалый, поэтому и позицию, и путь отхода он выбрал очень умно. Я села в машину и позвонила Кирьянову.

– Привет, Володя! Свободная минута найдется? – спросила я, зная, как сильно он занят обычно.

– Для тебя – даже две, – хмыкнул он. – Опять во что-то связалась? Ты же только что очередное дело с плеч свалила?

– Клиент пошел косяком, нерест у него, – пошутила я и объяснила: – Я делом о покушениях на Андреева занялась.

– Зря! Откажись, пока не поздно, – самым серьезным тоном посоветовал мне Володя.

– Даже так? – удивилась я.

– Еще как так! – многозначительно сказал он.

– А поподробнее можно? – попросила я.

– Не по телефону, – отрезал он.

– Хорошо, – согласилась я. – Я только машину заправлю и, когда подъеду к тебе, позвоню, ты спустишься. Идет?

– Жду! – услышала я, и пошли гудки.

«Что за ерунда? – озадаченно подумала я. – С какого такого перепуга Кирьянов вдруг так всполошился?»

Приехав на АЗС, я, собираясь расплатиться, распечатала выданный мне Сазоновым конверт – и тихо обалдела. Не поленилась и пересчитала – там было десять тысяч рублей, причем сотками, то-то он выглядел таким пухлым. Что за чертовщина?! В прошлый раз Семен Иванович был куда щедрее и денег не жалел, а сейчас, когда речь идет о его собственной жизни, его вдруг скупость обуяла? Или дело не в этом?

Или не только в этом?.. Хорошенько подумав, я поняла, что Андреев и Сазонов далеко не все мне рассказали, а это, между прочим, чревато самыми печальными последствиями для них же: последнее это дело – скрывать информацию, когда речь идет о таких серьезных вещах. Они что, этого не понимают? Вопросы, вопросы, вопросы! Ну ничего! Надеюсь, Кирьянов мне на них ответит или хотя бы на часть.

Подъехав к областному управлению, я вызвала Володю и, когда он, спустившись, сел в мою машину, напрямую его спросила:

– Киря! Что не так с Андреевым? Почему его делом занимаются только два райотдела, а вы – в стороне? В июле на него все ваше управление пахало, как нанятое, а что сейчас изменилось?

– Танька, я и сам не все до конца понимаю, но ситуация

странная, – задумчиво сказал Володя. – Когда я в оперативной сводке прочитал о взрыве в его приемной, из-за которого секретарша погибла, я подумал, что нас всех к этому делу припрягут, – ан нет! Потом его машину расстреляли, двое погибших, и опять – тишина. Недавно его машину подорвали, и вновь – ничего. Я скромно поинтересовался у знающих людей, и как ты думаешь, что мне ответили?

– Володя! Душевно тебя прошу, не тяни резину! – взмолилась я.

– Генерал сказал так: «Пусть расследуют по подведомственности», хотя – я это точно знаю! – Андреев к нему обращался, – подчеркнул Кирьянов.

– Между прочим, Сазонов мне сообщил, что они просто не пожелали важных людей беспокоить, а они, оказывается, получили от ворот поворот, – усмехнулась я. – Но что это значит? Что Андреева в «черный» список внесли? За что? В чем он так провинился?

– Не знаю! – четко и раздельно ответил Володя. – Могу сказать только одно – на рынке сейчас работает налоговая!

– Ничего себе! – удивилась я и спросила: – А у тебя в налоговой никого нет?

– Ну, знаю я там несколько человек, а зачем тебе это?

– Может, организуешь мне встречу с осведомленным человеком? – попросила я. – У меня уже есть одна версия по поводу мотивов этих покушений, но я ведь могу и ошибаться. Не волнуйся, я не попрошу его открывать мне тайну след-

ствия, буду держаться в рамках и все такое.

– Хорошо, попробую, – минутку подумав, пообещал мне Володя.

Он ушел, а я отправилась на поиски Венчика, чья помощь была мне сейчас как никогда необходима. Я готова была даже выслушать самую длинную из его притч, или даже две, хотя обычно отбивалась от подобной чести изо всех сил. Дело в том, что Венчик был бомжом по призванию, по образу жизни, а также по образу мыслей и мировоззрению. Короче, Венчик был бомж-философ, он ужасно любил рассказывать разные истории, коих знал великое множество, и ни за что не поменял бы свой образ жизни ни на какой другой.

Венчика я нашла во дворе дома, в подвале которого он и жил, с чем законные жильцы этого самого дома давно смирились, решив, что из множества зол им досталось наименьшее. А что? Венчик мало пил, гостей к себе не водил, не шумел, а самое главное – его присутствие в подвале, от которого у него даже ключ имелся, являлось гарантией того, что никакие другие бомжи туда не сунутся. Сердобольные старушки его, бывало, и подкармливали, а уж с одеждой у него вообще никаких проблем не было. Он же, заполучив слушателей, рассказывал им свои бесконечные байки, и все были довольны. Венчик сидел на лавочке и, как кот, млея от удовольствия, грелся на солнышке. Увидев меня, он очень обрадовался.

– Матушка Татьяна Александровна пожаловала! Погод-

ка-то какая! Это же рай, а не погода! Душа радуется! А солнышко-то какое нежное! Прямо не светит, а целует, словно мама родная!

– Венчик! Давай оставим лирику на потом, – попросила я. – Мы с тобой отойдем подальше от любопытных глаз, потому что дело у меня к тебе очень непростое.

– Всегда готов! – сразу посерьезнев, подхватился он со скамейки.

Мы зашли за трансформаторную будку, и я начала излагать:

– Венчик! У тебя друзья-приятели на Центральном рынке есть?

– Как не быть? – удивился он. – Конечно, есть!

– Тем лучше, – обрадовалась я. – Не придется тебе в незнакомый коллектив внедряться. А теперь слушай, что тебе следует сделать...

– Я повесил свои уши на гвоздь внимания, – преданно заверил он меня.

Я смолчала, только вздохнула, глубоко и горестно, и смирилась – его не переделать.

– Итак, на Центральном рынке имеется генеральный директор, зовут его Семен Иванович Андреев. На него недавно совершили три покушения. Мне надо знать о нем абсолютно все! Что о нем говорят, что он за человек, чем дышит, с кем общается, с кем спит... Понимаешь?

– Как не понять? – даже обиделся на меня Венчик. – Не

впервой мне в тылу врага работать. Ты, матушка, не волнуйся! Все вызнаю! Вот прямо сегодня и узнаю. Ну, в крайнем случае завтра!

– Это не все, – предупредила его я. – Там есть один бомж по прозвищу Кефир...

– Так я же его знаю! – воскликнул Венчик. – Интереснейший человек! Большого ума мужчина! Одно удовольствие с ним разговаривать. А вот характером и жизненной стойкостью его боженька обделил. Тихий он человек и слабый.

– А ты знаешь, кем он раньше был?! – подскочив на месте, почти выкрикнула я.

– Знаю, – растерянно ответил Венчик, никак не ожидавший от меня такой реакции. – Ведущим инженером на оборонке, он кандидат наук, между прочим.

«Вот он, наш Кулибин!» – обрадовалась я.

– Потом завод накрылся медным тазом, его сократили, а что он еще умел? – спросил меня Венчик и сам же ответил: – А ничего! Вот и разделил печальную участь многих других! Ибо сказано...

– Венчик! Не сейчас! – взмолилась я. – Прошу тебя, выясни, с кем он в последнее время встречался, с кем разговаривал, может, он подружился с кем-нибудь, ну, я не знаю... Сам сообразишь!

– А что он натворил-то? – удивился-насторожился Венчик. – Я его, конечно, с весны не видел, но человек он совсем безобидный и не мог за это время бандюком заделаться. У

него и было-то всего два пристрастия: на детей своих изда-
лека посмотреть да выпить. Как сказал великий Высоцкий...

– Венчик, я не хочу быть плохим пророком, но его, види-
мо, уже нет в живых, так что ты уж будь там поаккуратнее, –
попросила я.

– Кому же он помешал-то, бедолага? – растерянno спро-
сил Венчик, у него даже слезы на глазах выступили.

– Точно я тебе не скажу, но кажется мне, что его втянули
в одно грязное дело, а потом убрали как свидетеля, – пред-
положила я и добавила: – Правда, я могу и ошибаться.

– Да когда ж ты, матушка, ошибалась, – грустно усмехнул-
ся Венчик.

– погоди, и это еще не все, – сказала я. – Поспрашивай
среди своих, может, кто-нибудь знает, куда делась Клавдия
Петровна, жена Андреева. Понимаешь, мне очень не нравит-
ся, что она словно в воздухе растворилась и ее судьбой никто
из родственников серьезно не интересуется. Странно это и
очень подозрительно.

– Не волнуйся, матушка, я все выясню, – заверил меня
Венчик.

Дав ему денег на расходы – не с пустыми же руками в го-
сти к друзьям идти, – я поехала домой. Прямо скажу: настро-
ение у меня было так себе, а если совсем честно, то отвра-
тительное – я еще практически ничего не знала о подоплеке
этой истории, а она мне уже активно не нравилась. Смердела
эта история так, что хоть нос затыкай! Вот уж действительно,

правильно кости предсказали, что мне придется иметь дело с неприятными людьми, хотя они могли бы и покрепче выразиться – с омерзительными.

Открыв органайзер, я взяла мобильник, набрала номер Клавдии Петровны, но, как и говорил Сазонов, мне никто не ответил. Лапшу насчет ее причастности к покушениям на Андреева я на уши Сазонову успешно навешала, и он ее благополучно скушал, но вот цель-то я при этом преследовала совсем другую.

Итак, Клавдия Петровна убыла в неизвестном направлении четырнадцатого июля, с тех пор прошло три с небольшим месяца, но она ни разу не дала о себе знать, даже за вещами своими не пришла и никого не прислала, а ведь могла. Позвонила бы кому-то из горничных, когда мужа дома нет, они бы собрали ее вещи и, по крайней мере, к воротам бы ей вынесли, уж если она сама не хотела в дом входить. Хотя Андреев вполне способен распорядиться, чтобы ей ни пуговицы не отдали, с него станется. Предположим, она нашла богатого и щедрого любовника и он ей все новое купил. Возможно такое? В принципе да, но Андреев ведь говорил, что она больше по молоденьким накачанным мальчикам специализировалась, а им богатые тетки нужны, так что эта версия не проходит. Куда же она пошла в одном летнем платье, без своих бриллиантов, которые в случае нужды продала бы, и с минимумом денег? Хотя у нее, возможно, была с собой пластиковая карточка и она спокойно купила себе новую одеж-

ду. Ладно, такое возможно. Но где она сейчас? Причем, заметим, ее родного брата совсем не волнует судьба собственной сестры. Может, она находится у кого-то из своих подруг? Вряд ли! Ну, погостить недельку – куда ни шло, но не три же месяца у знакомой жить? Адреса матери она не знает, так что это тоже отпадает. Ладно, авось Венчик что-нибудь выяснит.

Пока же я решила поговорить с Иваном. Его номер, сообщенный мне Сазоновым, действительно не отвечал, и я, покопавшись в сумке, нашла визитку фрау Шонберг. Хорошая у меня привычка – никогда не выбрасывать визитные карточки, потому что невозможно предугадать, как жизнь повернется и не пригодятся ли они тебе еще для чего-нибудь. И я очень надеялась, что фрау Шонберг поможет мне узнать новый номер жениха ее внучки. Мой разговор с этой почтенной старой дамой велся на смеси немецкого и английского языков, пока ей это не надоело и она не позвала Ванду, от которой я и узнала новый номер Ивана. «Странно, что ни Андреев, ни Сазонов не пошли тем же путем, – запоздало подумала я. – Ведь Семен Иванович обязательно должен иметь такую же визитку. Да и через Штерна или какого-то там Карла можно при желании до парня добраться. Или такого желания у него не было?»

– Здравствуй, Иван, – сказала я. – Это частный детектив Иванова. Мы с тобой встречались, когда я занималась делом Ванды. Помнишь меня?

– Да, только имя ваше забыл, – ответил он.

– Ничего страшного, – успокоила его я. – Зовут меня Татьяна Александровна, и звоню я тебе вот по какому поводу. Ты знаешь, что на твоего отца уже три покушения совершили и он сейчас ранен?

– А мне-то что? – не скрывая своей ненависти, бросил он и добавил: – Хотя обидно, что его только ранили, а не убили! Лучше бы уж он сдох! Я бы тогда с огромным наслаждением на его могилу плюнул! – яростно выкрикнул он.

«Опа! Вот это да!» – сказать, что я удивилась, значит ничего не сказать – я была в шоке, потому что ожидала чего угодно, но не такого!

– Иван, я не знаю, что между вами произошло... – начала было я, но он меня грубо перебил.

– Я не желаю ни с кем обсуждать своих родителей! – отрезал он и отключил телефон.

Я тут же вновь набрала его номер, но он не ответил. Пробовать еще раз я не стала – и так ясно, что разговаривать со мной он не хочет и не будет. Обращаться к Ванде смысла не имеет – вряд ли он выложил ей всю подноготную о своих родителях.

Резкость Ивана меня нимало не задела. Во-первых, это просто юношеский максимализм, который со временем пройдет, а во-вторых, то, что он не поделил с отцом, – их сугубо семейное дело! Может, Андреев денег ему не дал на поездку в Германию? Или дал, но мало. А что Сазонов ни словечком не обмолвился о, видимо, крупной ссоре Андре-

ева с Иваном, вполне понятно – он не хотел выносить сор из избы. Потому-то он и меня предупредил, чтобы я с Семейном Ивановичем о сыне не говорила. Может быть, Михаил Петрович все-таки узнал новый номер Ивана и пытался поговорить с ним, но, напоровшись на аналогичный «прием» с его стороны, решил подождать, пока тот не успокоится и не позвонит сам. А случись с парнем что-нибудь серьезное, им бы действительно тут же сообщили.

В этой истории все более или менее понятно, и расстраивало меня только то, что я не успела спросить Ивана о судьбе его матери. Хотя... А что тут спрашивать, если он наверняка уверен, что Клавдия Петровна в Салтыковке, у Федора, куда ее у самого Ивана на глазах отец и отправил? К тому же он злился на мать из-за того, что она была настроена против его ненаглядной Ванды, вот и не волновался о ней. Я достала карту Тарасовской области. Так, Первомайский район у нас на самом краю географии – понимай, области, – а Салтыковка... С трудом обнаружив ее местоположение, я невольно подумала, что сотовый там вряд ли берет, о чем Иван, конечно, знает. Родня, мол, в Салтыковке, вот он им и не звонил – все равно, решил он, не дозвонится.

Ладно, с парнем все понятно. Переходим ко второй части марлезонского балета, то есть к Клавдии Петровне. За две с лишним недели, проведенные ею врозь с сыном, она наверняка пыталась с ним связаться. Предположим в порядке бреда: он не отвечал на ее звонки, и она, зная: где Ван-

да, там и ее сын, просто поехала в больницу. Допустим, она там побывала, и они крупно поссорились, естественно, из-за Ванды. Стоп! Тут я вспомнила, с какой яростью парень крикнул, что он ни с кем не хочет обсуждать своих родителей. Именно родителей, а не отца! Неужели он пустился во все тяжкие и послал родителей к черту ради своей любимой девушки? А что, по молодости лет это бывает. Но проверить входящие звонки на его сотовый все-таки надо. И если, не дай бог, окажется, что мать ему ни разу не звонила, вывод получится однозначный – ее нет в живых. Потому что в отличие от матери самой Клавдии Петровны, которая ни дочь, ни сына знать не желает, Клава на своего Ивана надышаться не может. Решив, что не стоит с этим тянуть, я позвонила Кирьянову – хоть у него рабочий день и закончился, но он всегда засиживается на службе допоздна, так что у меня есть шанс еще застать его. Так и вышло.

– Володя! У меня к тебе большая просьба, – начала я.

– С Андреевым связанная? – спросил он таким неодобрительным тоном, что я даже поморщилась.

– Пойми, Киря, это очень серьезно, – сказала я. – И совсем не с ним это связано, а с его женой, Клавдией Петровной.

– Ладно, что там у тебя? – сжалился он.

– Она пропала. Ты меня не первый день знаешь и поэтому понимаешь, что на пустом месте я волну не гоню никогда. Грузить тебя не стану, просто организуй мне, пожалуйста, распечатку входящих, а заодно и исходящих звонков с со-

тового телефона Ивана Семеновича Андреева за июль этого года, – попросила я.

Володя недовольно посопел и сказал:

– Черт с тобой! Диктуй номер! – Он все записал и спросил: – И что тебе это даст?

– А то, Киря, что не могла мать сыну больше двух недель не звонить, где бы она ни находилась, – объяснила я и вдруг спохватилась: – Володя! – жалобно проскулила я. – А можно еще одну распечатку? С ее телефона? За июнь и июль? А?

– Тетенька! Дай попить, а то так есть хочется, что переночевать негде, – ехидно заметил Кирьянов.

Я сочла это заявление знаком согласия и продиктовала ему номер Клавдии Петровны. Убедившись, что он все правильно записал, я положила трубку и, успокоившись насчет этой части проблемы, вернулась к более насущной на данный момент, то есть к Третьей швейной фабрике, из-за которой весь сыр-бор и разгорелся. Я очень надеялась, что дело именно в ней, потому что, окажись иначе, мне придется очень сильно пораскинуть мозгами, чтобы этого злодея, покушавшегося на Андреева, вычислить.

Накопившаяся за время расследования предыдущего дела усталость давала о себе знать все больше и больше, причем ощущалась она не только на физическом уровне: я уже медленно и плохо соображаю – вон как перед Ершовым опозорилась, когда попросила его труп Кефира найти, который для дела нам действительно ничего не даст. Я попыталась про-

анализировать сложившуюся ситуацию, но ничего конструктивного мне в голову так и не пришло, да это и невозможно пока – из-за недостатка информации. Решив хотя бы выспаться, раз уж мой нормальный отдых в теплых краях отодвигается из-за моей собственной глупости на неопределенное время, я пошла спать.

День второй

Вторник, оказавшийся ничем не лучше понедельника, или Легенда о старом кладе, которая пока что ничем не подтвердилась

Тягостное впечатление от вчерашней встречи с Андреевыми и злость на себя за то, что я вообще впуталась в эту историю, не изгладились из моей души и на следующий день. Поэтому настроение мое можно было назвать только одним словом: «мерзопакостное». Так что кофе я пила, как известная литературная героиня – «Ну без всякого удовольствия!». Но если уж взялся за гуж... и далее по тексту.

За завтраком я размышляла о том, куда могла деться Клавдия Петровна, но с решением этой проблемы следовало подождать до тех пор, как освободится Венчик. Вот тогда-то я его к больнице и отправлю, чтобы он там выяснил все, что сможет, об отъезде Клавдии Петровны: на какой машине и куда она поехала, да и все остальное, – а потом и сама подключусь: не разорваться же мне на сто маленьких Тань, чтобы сразу в нескольких местах работать! Я не слишком рассчитывала на то, что Кирьянов быстро организует мне распечатки, потому что для этого ему требовалось «прицепить» свой запрос к какому-то уже существующему делу, а это в один миг не делается. А вот что касается покушений на Ан-

дерева, то я все больше убеждалась, что дело здесь именно в фабрике, то есть в здании, где она располагалась. Точнее, в том, кому и зачем оно могло потребоваться. Делать нечего, надо ехать туда.

Остановив машину у ворот фабрики, я осмотрела ее снаружи, но ничего особенного не заметила. Я не архитектор, но тут и без специальных знаний было видно, что построена она даже не в двадцатом веке. Кладка, конечно, добротная, от времени не пострадала, окна, правда, держались на честном слове, а уж что внутри, даже подумать страшно – перекрытия-то наверняка деревянные, перегородки при желании можно пальцем проткнуть – дранка же поверх досок положена, а они от времени не могли не сгнить. Ладно, будем на месте разбираться. Я подошла к железным, с облупившейся краской воротам и загрохотала по их створкам. Долго мне пришлось ждать, пока в щели не показался карий глаз и часть смуглого лица.

– Чива ната? – спросил неведомый и практически невидимый собеседник, говоря с сильным акцентом.

– Хочу фабрику посмотреть, – ответила я.

– Незя! – ответил он и собрался уходить.

У меня было два варианта действий: первый – позвонить Андрееву, чтобы он распорядился пустить меня внутрь, но, честно говоря, мне до того не хотелось с ним даже разговаривать, что я пошла по второму пути – заплатить.

– А за деньги? – закинула удочку я и тут же буквально

физически ощутила, как заколебался этот страж чужой собственности – просто флюиды в щель просочились.

– Два ста руп! – раздался его заинтересованный голос.

– Дам! – твердо пообещала я.

– Дай! – тут же потребовал он.

– Вот откроешь мне, тогда дам, – я попробовала поторговаться.

– Не-е-е! – засомневался он.

– Да открывай же ты, черт бы тебя побрал! – возмутилась я. – Не обману я тебя! – и, достав из сумки деньги, я показала их.

Наконец створка ворот приоткрылась, и я увидела перед собой явного выходца из Средней Азии, но уточнять, откуда именно он прибыл в Тарасов, мне было неинтересно, и я, сунув ему в руку заранее приготовленные двести рублей, проникла-таки на территорию. Оказалось, что на звуки наших голосов вышли еще два охранника: один был, наверное, земляком первого, а вот второй если и не русский, то, по крайней мере, внешность имел вполне европейскую. «Украинец или белорус», – подумала я. Этот так называемый охранник, кое-как одетый, взлохмаченный и небритый, был явным бомжом на вид, и как он сюда затесался, было непонятно, ну да черт с ним. Общаться со мной ни один из них не собирался, но я не обиделась – не за тем же пришла.

Я огляделась по сторонам и опечалилась – разруха! Впечатление бывшая фабрика оставляла неприглядное. Терри-

тория была захламлена, и чего там только не валялось: остатки мебели, лысые покрышки, почти сгнившие картонные коробки, металлические части чего-то – странно, что их еще в металлоприем никто не додумался оттащить, – и все в этом духе. Искать тут ответы на мои вопросы так же непродуктивно, как ждать трамвая в лесу. Вздохнув, я прошла внутрь. На первом этаже сильно пованивало туалетом – гастарбайтеры явно не заботились о соблюдении элементарных правил гигиены. Я ходила по фабрике и вносила поправки в свои первые впечатления: перегородки были не деревянными, а кирпичными, причем неведомый мне строитель явно не пожалел материала – они были больше метра толщиной, наверное, в целях звукоизоляции. Да и все строение выглядело до того монументальным, что, казалось, оно и атомный взрыв выдержит. Умели строить в старину, ничего не скажешь! Я не торопясь обошла все здание: и цеха, и административную часть, – но ничего особенного не заметила, да я и не знала толком, что ищу. Спустившись, я подошла к воротам. Ко мне поспешил один из азиатов, чтобы, естественно, закрыть их за мной.

– Еще заработать хочешь? – спросила я, и он тут же согласно закивал головой. – Тогда скажи мне: сюда приходил кто-нибудь посторонний, кроме хозяина и меня?

Такая сложная фраза была выше его понимания, и он крикнул на помощь земляка, которому я повторила ее, но столь же безрезультатно.

– Зовите третьего! – потребовала я, решив, что с тем будет легче разговаривать. – Русского зовите! – расшифровала я, увидев, что они стоят на месте.

А что, решила я, для них русским будет и украинец, и белорус, и эстонец, да вообще любой европеец, – и не ошиблась, потому что один из азиатов закричал:

– Сидор! Ходи сюда!

Тот тут же появился и, не приближаясь, уставился на меня.

– Скажи, кроме хозяина и меня, сюда никто не приходил? – на всякий случай я говорила медленно и отчетливо.

Но он только помотал головой и ушел. Да уж, результат этой экскурсии – весьма неутешительный, но еще одну сотню азиату я все равно отдала. Выйдя за ворота, я села в машину и совсем было собралась уехать, как зазвонил мой сотовый – это был Сазонов.

– Татьяна Александровна! – напряженным голосом начал он. – Сегодня Семена в больницу повезли – ему рентген сделать надо, а тут!.. В общем, они лишь чудом рястяжку поперек дороги заметили, а то бы подорвались, как пить дать! Они немедленно домой вернулись, и я сейчас туда же еду.

– Кто знал о том, что Андреев сегодня в город поедет? – быстро спросила я.

– Да только домашние, – ответил он.

– Я предупреждала, что у вас в доме – предатель? – спросила я и сама же ответила: – Предупреждала! Вы себя в грудь

били и орали, что это не так! Кто прав?

– Вы, Татьяна Александровна, – признал он. – Но тут же все свои!

– Как говорят французы, предают только свои, – сухо заметила я. – Делайте выводы и думайте, кто это может быть – вы же их лучше меня знаете! А пока пусть Андреев сидит дома и носа никуда не высовывает, не умрет он несколько дней без рентгена! – посоветовала я и спросила: – А на чем вы Андреева везли? Он же в таком виде ни в одну машину не влезет?

– Да на «Газели», – ответил Сазонов, явно удивляясь тому, что в такой момент меня интересуют подобные мелочи.

– И откуда она взялась? – поинтересовалась я.

– С рынка, откуда же еще, – уже недовольным тоном сказал он.

– То есть Андреевы туда позвонили, и ее пригнали, – уточнила я.

– Зачем? Она постоянно у Семена в гараже для хозяйственных нужд стоит. И вообще, почему вы в такой серьезный момент о всякой чепухе думаете? – почти крикнул он.

– А потому, дражайший Михаил Петрович, что, если бы тачку по звонку Андреева пригнали, я заподозрила бы кого-нибудь из сотрудников рынка, а раз она постоянно на территории дома находится, то и предателя там ищите! – отрезала я и отключила телефон, буркнув себе под нос: – Вот кретин! Элементарных вещей не понимает! А еще начальник

службы безопасности!

Поскольку никаких других мотивов, кроме захвата здания фабрики, я не видела, то решила поехать в отдел краеведческой литературы областной библиотеки и попытаться узнать, чем эта фабрика так знаменита, что из-за нее на преступления идут. Краеведческий отдел находился отдельно от основного здания и располагался на втором этаже ветхого дома старого жилфонда, так что я знала, что меня ждет. Ничего хорошего! Этот храм науки... Или так об университетах говорят? Впрочем, неважно! Одним словом, это прибежище человеческой мудрости держалось в вертикальном состоянии исключительно при помощи высших, понимай магических, сил. Или инопланетяне его поддерживали? Точно этого никто не знал, потому что по всем законам физики, химии, математики и прочих точных наук ему следовало бы развалиться давным-давно. Старый жилфонд – он и есть старый жилфонд. В переводе на русский язык это значило, что удобства хоть внутри и были, но самые примитивные: из-под единственной раковины вечно текли ручьи, а в туалете – типа сортир – смывные бачки отсутствовали совершенно, и нечистоты плавно утекали в выгребную яму под воздействием собственной тяжести. Полы там были деревянными и до того дырявыми, что лично я имела удовольствие несколько раз встретиться с крысами личико в личико. Зверюшки особо и не смущались соседством с людьми, а вели себя как хозяева. Господи, сколько же книг они сожрали за это время!

Читальным же залом гордо именовалась клетушка, где стояли четыре старых и драных письменных стола. Единственное, что мирило меня с необходимостью посетить эту, с позволения сказать, библиотеку, была встреча с милыми добрыми женщинами, истинными подвижницами и энтузиастками своего дела – кто бы еще согласился проводить целые дни в затхлом помещении со стойким запахом старой-престарой бумаги и стоявшими в воздухе столбами пыли? Причем за мизерную зарплату? Только они!

Мне уже приходилось бывать в этом отделе, и читательский билет у меня был, но дома – кто же знал, что мне туда идти придется? Ехать за билетом мне было лень, да и времени терять не хотелось, так что я купила коробку конфет, чтобы подлизаться к библиотекарям и мне не пришлось бы заново оформлять документы. Тем более что для этого требовалась хоть какая-то фотография, а я как-то не вожу с собой семейный альбом.

Читальный зал был пуст, а вот по средам, когда в Тарасове выходят еженедельники, тут обычно не протолкнуться. Оно и понятно – людям хотелось узнать последние новости, поймай, сплетни, а денег на то, чтобы покупать все эти газеты, не было, вот они, в основном пенсионеры, и ходили сюда, здесь же и обсуждали статьи, так что это был своеобразный мини-клуб. Никого из сотрудниц я не заметила, а вот из хранилища раздавались веселые голоса, и я сунула нос туда.

– Минуточку! – слышалось из-за двери, и появилась

незнакомая мне женщина лет пятидесяти – остальных-то я знала.

Она куталась в большой платок – в этом караван-сараяе, выходявшем окнами на север, было довольно прохладно.

– Здравствуйте! Меня интересует история Третьей швейной фабрики и вообще всего с ней связанного, – сказала я.

– Хорошо, давайте ваш читательский билет, – ответила она.

– Видите ли, он у меня дома, но я у вас записана, вы можете посмотреть по своим документам. А это, – я выложила на ее стол конфеты, – чтобы вам веселее было искать.

– Уберите немедленно! – зашипела она. – Только неприятностей нам и не хватало! Или вы не знаете...

– О борьбе с коррупцией? – догадалась я. – Знаю! Только поверьте мне как юристу, что сумма, потраченная мною на покупку этих конфет, недостаточна для возбуждения уголовного дела.

– Все равно уберите, – стояла на своем она. – И давайте оформим новый читательский билет.

– Ясно: выполняете план по читателям, – вздохнула я. – Но у меня нет с собой фотографии, да и паспорта тоже, только удостоверение частного детектива – не оттуда же мне фотографию отрывать?

Услышав, кем я работаю, – а я давно заметила, что простое словосочетание «частный детектив» вызывает у людей приступ острого любопытства, – женщина уставилась на ме-

ня во все глаза и растерянно сказала:

– Я сейчас у нашей старшей проконсультируюсь, – и быстро скрылась из виду.

Из хранилища до меня донеслось возбужденное шушуканье, и через минуту появилась Зоя, старший библиотекарь, а уж она-то меня знала.

– Ой, здравствуйте! – радостно приветствовала меня она. – Давно вас не было.

– Так я же сюда не свежую прессу хожу читать, а только по делу, – улыбнулась я, протягивая ей конфеты, которые она бестрепетно взяла.

– Она новенькая у нас, – объяснила Зоя. – Садитесь, она вам сейчас все принесет. А почему вас так эта фабрика заинтересовала?

– Хочу одну версию проверить, – объяснила я.

– Конечно-конечно, – понятиливо закивала Зоя. – Чай будете? С конфетами? – рассмеялась она.

– Буду, – согласилась я, исключительно для того, чтобы сделать ей приятное, заранее зная, что не притронусь к этому напитку – ну откуда здесь хороший чай, да и не люблю я его.

Бокал со светло-желтым чайком появился на моем столе очень быстро, как и парочка мною же купленных конфет, а следом – и две потрепанные книжки. Одна была посвящена достижениям тарасовской промышленности в советский период, и о фабрике там было всего несколько абзацев – что такое какая-то швейная фабрика, когда в городе и обла-

сти имелось столько крупных предприятий? Вторая же называлась «История промышленности Тарасовской губернии в дореволюционный период», и о фабрике, которая оказалась бывшей мануфактурой купцов Кузнецовых, там было сказано побольше, хотя о многом говорилось просто вскользь – видимо, объем книги не позволил автору разгуляться. Так что ничего интересного я не узнала и со вздохом разочарования взяла книги, пустой бокал – так называемый чай я незаметно вылила на корни чахлого фикуса, решив, что это ему уже не повредит, – и, подойдя к двери в хранилище, позвала Зою.

– Узнали что хотели? – спросила, появившись, она.

– К сожалению, нет, – разочарованно ответила я.

– Если вы мне хотя бы вскользь намекнете, в чем дело, я вам, может быть, что-нибудь посоветую, – предложила Зоя.

– Видите ли, вокруг этой фабрики творятся какие-то непонятные, но темные дела, – объяснила я.

– А-а-а, – протянула она и сказала: – А не сходить ли вам к Горбунову Алексею Алексеевичу?

– Кто такой? – насторожилась я.

– Наш известный краевед, кстати, его-то книгу вы и читали, – объяснила она. – Уж он-то вам все подробно расскажет. Раньше-то мы здесь его встречи с читателями проводили, а сейчас он старенький стал совсем, из дома уже не выходит, так что вы его наверняка застанете, если только он не в больнице.

– Так у вас же, наверное, его телефон есть? Позвоните ему, – обрадовалась я.

– Пойдемте, – согласилась она. – Телефон-то у нас только в гардеробе.

– О господи! – простонала я, доставая свой сотовый и протягивая ей.

Конечно, она могла бы и со своего позвонить, но тратить деньги на посторонние разговоры, при их-то зарплате? Взяв мой телефон, она позвонила Горбунову и, узнав, что он дома, договорилась о его встрече со мной. Оказалось, что живет он в центре города, так что переться к черту на кулички мне не требовалось, и я поехала. Не скажу, чтобы я летела к нему на крыльях надежды, но очень рассчитывала на то, что хоть какая-то ясность после встречи с ним появится и я либо сосредоточусь на этой версии, либо отмету ее окончательно.

Дверь мне открыла седая как лунь сухонькая опрятная старушка, радушно пригласившая меня войти.

– Проходите, Алешенька ждет вас, – улыбаясь, сказала она – видно, гости здесь бывали нечасто. – И не разувайтесь!

Ну уж нет! Я представила себе, каких трудов стоит ей поддерживать чистоту в этой заполненной книгами квартире – они имелись даже в прихожей, – и решительно сняла туфли, объяснив:

– Пусть ноги от каблучков отдохнут.

Я прошла вслед за ней в заставленную книжными полками от пола до потолка большую комнату, где увидела сидев-

шего на диване некогда крупного, а теперь располневшего до невероятных размеров седого старика. Рядом с диваном стояли костыли. Непонятно, чем он болеет, но выходить из дома он явно не в состоянии, да и по квартире, наверное, передвигается с трудом. А вот вид у него был бодрый, и глаза, причем даже без очков, смотрели молодо.

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич, – сказала я. – Это насчет меня вам звонила Зоя из областной библиотеки. Меня зовут Татьяна Александровна Иванова...

– И вы – частный детектив, – тихонько рассмеялся он. – Первый раз в жизни такового вижу! Присаживайтесь, Татьяна, – он указал мне на кресло. – Наташенька, сделай-ка нам чаю, – попросил он и представил ее: – Это жена моя, Наталья Ильинична.

– Так давно готов, – отозвалась она. – Как ты любишь, с травами.

«О господи! – мысленно простонала я. – И отказаться неудобно, и вылить его здесь некуда. Придется пить!»

– Ну, рассказывайте, с чем пожаловали? Что вас интересует? – спросил он.

– Видите ли, Алексей Алексеевич, меня интересует Третья швейная фабрика, – начала я. – В библиотеке я ничего стоящего не нашла...

– И не могли! – весело рассмеялся он и в ответ на мой недоуменный взгляд спросил: – А чем вас так заинтересовала эта фабрика?

– Понимаете, у меня есть предположение, что именно из-за нее с человеком, который решил ее приобрести, происходят некоторые, скажем так, неприятности, – уклончиво ответила я. – Но это только мое предположение, а так это или нет, я не знаю.

– Это же надо! – совсем развеселился он. – Сколько лет прошло, а история с кузнецовским золотом до сих пор людям покоя не дает!

– С чем?! – невольно воскликнула я. – С золотом?! – Он кивнул. – А вы не расскажете? – попросила я его.

– Конечно, расскажу! – охотно согласился Горбунов. – В моей книге этого нет, да и быть не могло! Время было такое, что полагалось писать исключительно о достижениях социализма, в крайнем случае – о деятелях революционного движения, а вот настоящая история российская была искорежена до неузнаваемости, словно она началась только после семнадцатого года. А все, что было раньше, или подлежало забвению, или сводилось к воспеванию террористической и подпольной деятельности большевиков и иже с ними. О краеведческой литературе и говорить нечего! Местным издательством выпускались сборнички со статьями, написанными нахватавшимися по верхам щелкоперами, которые ни дня в архиве не работали, а собрали с миру по нитке мелкую информацию и накорябали свои брошюры. Знали бы вы, каких трудов мне стоило пробить свою книгу! Сколько я унижался и просил! У меня ведь несколько рукописей

готово об интереснейших людях нашей губернии, истинных патриотах, в том числе и о Кузнецовых, а они никому не известны! А вот именами местных большевичков, у которых не то что руки в крови, а они сами в ней по самую макушку увязли, улицы и площади называли, да и посейчас обратно не переименовали! А о настоящих героях теперь никому читать не интересно, потому и издать мои книги вновь стало невозможным – коммерческий интерес всюду властвует. Какое же время наступило беспощадное, люди не об истории своей страны думают, а лишь о деньгах, и ни о чем больше. Дай-то бог, чтобы когда-нибудь все изменилось, хотя я до этого и не доживу.

Чувствовалось, что у него накопело и ему надо выговориться, и я терпела – история кузнецовского золота того стоила. Горбунов замолчал, что-то обдумывая, а его жена тем временем вкатила в комнату столик с чайником, чашками и тарелкой с печеньем и, разлив чай, села рядом с мужем. Он взял у нее из рук чашку, отпил немного и начал наконец рассказывать.

– Все дело в том, что Кузнецовы были староверами. Вы знаете, кто это такие? – спросил он.

– Приблизительно, – честно ответила я.

– Ну, тогда я прочту вам краткий курс ликбеза, чтобы дать хотя бы приблизительное представление. Итак, в середине семнадцатого века патриарх Никон провел церковную реформу, которую очень и очень многие люди не поддержали.

Вот так и возникли староверы, сиречь оппозиция официальной церковной власти. Социальный состав староверов был самым разношерстным: и купцы, и крестьяне, и ремесленники, и так далее. Их, как и любую другую оппозицию, преследовали, а они от этих преследований скрывались, и вот в малонаселенной местности, подальше от столицы и других крупных городов, стали появляться скиты.

– И у нас они тоже были? – с интересом спросила я.

– А как же! И немало! – ответил Горбунов. – Правительство, конечно, не дремало, и эти скиты периодически закрывались, а люди разгонялись или ссылались. Для противодействия этим притеснениям староверы создали не только свой тайный язык для переписки, но и собственные каналы связи – иначе бы они не выжили! Их люди были везде! Они все видели и все знали! А если попадались – молчали и молчали, бывало, даже на смерть! Иначе говоря, в вере своей они были крепки как камень!

– Похоже, что это было государство в государстве, – заметила я.

– Да! – кивнул Горбунов. – И тогда в скитах стали заранее узнавать о планируемых против староверов операциях и успевали вовремя оттуда уйти. Но куда идти? А для этих целей их единоверцы приобретали в городах дома, где люди могли переждать все напасти, а потом вернуться на старое место. И Кузнецовы в Тарасове были именно людьми, укрывавшими староверов. И вообще, эта семья была не только

очень богатой, но и весьма влиятельной среди своих единоверцев. Из рода в род они были старостами общины.

– А что, в городах обыски не проводились? – удивилась я.

– Проводились, – ответил он. – Но староверы умели очень хорошо и прятать, и прятаться. Но после 1906 года им это делать уже не требовалось, потому что их перестали преследовать. Итак, с теорией мы покончили, переходим к практике! Вас интересует конкретно швейная фабрика, выстроенная в начале девятнадцатого века. А ведь именно она и положила начало бизнесу рода Кузнецовых. Кстати, Татьяна, как вы думаете, какая фамилия самая распространенная в мире? – неожиданно спросил Горбунов.

– Наверное, Ивановы, – пожалала плечами я.

– Ошибаетесь! – улыбнулся он. – Кузнецовы! Это в России! Как и Ковалевы! А между прочим, фамилия Ковалев произошла от украинского слова «коваль», то есть «кузнец». В Германии – это Шмидты, в Англии – Смиты, во Франции... Не помню! – отмахнулся он. – Да и неважно! Но фамилия эта самая распространенная. Ну, ладно! Извините, Татьяна, это так! Общие рассуждения.

– Да что вы! – успокоила его я. – Мне очень интересно вас слушать.

– Итак, Кузнецовы, – продолжил он. – Последним представителем этой семьи в Тарасове был Афанасий Кузьмич Кузнецов, он же, как и его предки, являлся старостой местной старообрядческой общины. Интереснейший был чело-

век! Образование, между прочим, в Сорбонне получил! И всем детям своим образование дал, даже дочерям, что тогда было не принято. Фигура в губернии очень заметная! Владел амбарами для зерна по всей Волге, своим пароходством с баржами и пароходом, мельницами, пекарнями, множеством магазинов в Тарасове и уездных городах, включая ювелирные и антикварные, доходными домами, вел обширную торговлю с заграницей и был самым крупным в губернии поставщиком для нужд армии.

– Ничего себе! – невольно воскликнула я.

– Да! – согласился Горбунов. – Очень богатый был человек! Да еще и на Первой мировой войне нажился невероятно! И вдруг!.. В начале шестнадцатого года он начал сворачивать свой бизнес, имущество потихоньку распродавать, объясняя, что в столицу собрался перебраться. Вклады свои в Тарасовском купеческом банке понемногу выбирал и в Швейцарию переводил. Камни драгоценные скупал. Действовал он не спеша, но планомерно. И к концу года у него осталась только швейная фабрика, с которой его предки когда-то начинали, и пароход! И все!

– Хотите сказать, что он или предвидел грядущие, весьма нелегкие для него времена, или точно знал, что готовится революция? – удивленно спросила я.

– Теперь мы этого уже никогда не узнаем, – развел руками Алексей Алексеевич. – Но, видимо, некоторую аналогию с беспокойной Францией он уловил и успел все подчистить.

– Кто же у него все это покупал? Война же шла, – сказала я.

– Тогда многие на поставках для армии нажились, так что деньги у этих людей водились немалые. Как говорится, кому война, а кому мать родна, – объяснил мне Горбунов.

– Но вот угрозу они не почувствовали и влипли: и деньги потеряли, и имущество, – подытожила я. – Что же дальше было?

– Февральская революция, что же еще? – пожал плечами Алексей Алексеевич. – А весной семнадцатого года Кузнецов отправил всю свою многочисленную семью на пароходе – на богомолье, как они объяснили, – но почему-то вниз по Волге, где святынь негусто. Сам же переселился на фабрику, где в своем кабинете и жил.

– За границу они уехали! – уверенно заявила я. – Раз у него были там партнеры, то и представительства какие-нибудь должны были иметься! Так что не на пустое место они отправились!

– Вот именно! – кивнул он. – А время-то было смутное, непонятное и бестолковое. В стране – разброд и шатания. Кому подчиняться – никто толком не знал. Вот члены его семьи, как тогда точно выяснили, через кордон и проскочили. А сам он остался! И было ему в то время уже хорошо за семьдесят, но был очень крепкий старик – староверы же не пили, не курили, да и прочими излишествами не баловались. Вера эта очень суровая.

– Зачем же он остался? – задумалась я. – Может, свое золото сторожить?

– Скорее всего, он хотел на родине умереть, чтобы рядом с предками своими в земле лежать. Он же на старообрядческом кладбище похоронен, в двадцать седьмом году, в фамильном склепе, – объяснил Горбунов. – И ухожен этот склеп – на загляденье!

– Странно! Неужели его не арестовали? – удивилась я. – Времена-то были лихие.

– Пытались, – подтвердил Алексей Алексеевич. – Только зря старались. Приехали чекисты на фабрику, где он, как они точно знали, находился постоянно, а его там и не оказалось. Так они его и не нашли, хотя иска-а-али во все лопатки! Он же был одним из самых богатых людей в губернии, вот чекисты и решили выяснить, куда все его добро делось, и конфисковать. Экспроприировать! – ерническим тоном произнес он.

– Интересно! – задумалась я. – Чекисты его не нашли, а на кладбище, да еще в фамильном склепе, его похоронили через десять лет после революции. Где же он был все это время?

– А ведь я вам говорил, что староверы умели хорошо прятать и прятаться, – весело поблескивая глазами, напомнил мне Горбунов.

– Так, минутку! – попросила его я и, машинально взяв чашку с уже остывшим чаем, отпила глоток. Чай оказался

неожиданно вкусным. – Чекисты пришли за Кузнецовым, точно зная, что тот на фабрике, а его не было. Значит, он где-то спрятался? То-то мне стены фабрики показались излишне толстыми. Я-то думала, это для звукоизоляции сделали, а на деле?.. – И я вопросительно посмотрела на Горбунова.

– Да полые они внутри! – тихонько рассмеялся он. – Проходы в них!

– По которым можно наружу выйти? – допытывалась я. – Получается, там есть потайной ход?

– В пятьдесят седьмом году между фабрикой и Зеленым оврагом, который сейчас засыпан... Между прочим, величайшую глупость сотворили товарищи советские инженеры! Это же надо – естественную дренажную систему разрушили! – возмутился он и, сердито посопев, продолжил: – Так вот, там траншеей под теплотрассу рыли и... – он интригуяюще посмотрел на меня.

– Алексей Алексеевич! – взмолилась я. – Ну, не мучайте!

– Экскаватор чуть не провалился – дыра в земле образовалась, а там кладка кирпичная, – выразительно сказал он.

– И что выяснилось при раскопках? – Я подалась к нему, ерзая от нетерпения.

– Какие раскопки?! – воскликнул Горбунов. – Кому в то время это было интересно? Засыпали яму грунтом и дальше пошли!

– Значит, имелся подземный ход от фабрики в овраг, – уверенно заявила я.

– Так овраг-то не зря Зеленым назывался, – усмехнулся Алексей Алексеевич. – Там грунтовые воды близко, да и та-лая, дождевая и прочая вода по нему в Волгу стекала. Вот он, включая склоны, и зарос так...

– Что там можно было хоть сто выходов из потайного хо-да устроить, и их бы никто не обнаружил, – закончила я его мысль. – Вот по этому ходу Кузнецов с фабрики и ушел. По-том он скрывался у единоверцев, чьим старостой являлся, а когда умер, его в фамильном склепе и похоронили.

– Вот именно! – подтвердил Горбунов.

– Но чекисты же его искали! Обыск на фабрике проводи-ли! – возразила я, на минуту усомнившись.

– Танечка! – укоризненно сказал он. – Староверы пережи-ли века гонений! Понимаете? Века! – выразительно произ-нес Алексей Алексеевич. – Уж они-то скрываться умели! И тайн своих никогда и никому не выдавали!

– А не может быть так, что где-то на фабрике до сих пор находится ненайденный тайник? Вдруг золото в нем до сих пор лежит? – спросила я.

– Да кто ж теперь вам на этот вопрос ответит? – удивился Горбунов. – Чекисты неоднократно пытались найти что-ли-бо, да не вышло у них. А позже еще долгие-долгие годы ле-генда о кузнецовском золоте будоражила неокрепшие умы. Кладоискатели не по одному разу в бывших домах и на пред-приятиях Кузнецова копались, но все впустую.

– На интереснейшую мысль вы меня навели, – задумчиво

сказала я и спросила: – Алексей Алексеевич, с кем бы я еще могла поговорить об этом?

– Не знаю, – покачал головой он. – Вообще-то среди краеведов никто, кроме меня, этой темой не занимался.

– А что, если мне у староверов проконсультироваться? – предположила я.

– Попробуйте, – пожал плечами Горбунов. – Убить они вас за это не убьют, но помочь?.. Вряд ли!

– Рискну! – решила я. – Где мне их найти?

– В их церкви, на старообрядческом, или, как еще говорят, кулугурском, кладбище. Только вы уж поосторожнее там! Голову платком накройте и не вздумайте креститься, – предупредил он меня.

– Почему? – удивилась я.

– Татьяна, вы сами-то в церковь ходите? – неожиданно спросил он.

– Так... Иногда, – пожала я плечами. – Если только свечку за упокой поставить.

– А вы там креститесь? – поинтересовался он, и я кивнула. – Покажите мне, как вы это делаете, – попросил он, и я удивилась, но перекрестилась. – Вот именно! – рассмеялся он. – Вы складываете вместе три пальца, а староверы – два! Это-то и было одним из нововведений Никона – креститься тремя пальцами, – и одной из причин раскола!

– Спасибо вам огромное, Алексей Алексеевич! – искренне сказала я, поднимаясь. – Помогли вы мне необыкновен-

но! Теперь я знаю, что к чему и где кого искать! Дай бог вам здоровья!

– Да это вам спасибо, Танечка! Знали бы вы, как я рад, что мои знания хоть кому-то пригодились. А ведь я их десятилетиями собирал! Вот умру я – и они вместе со мной уйдут, – печально заключил он.

– Ну, зачем ты так, Алешенька? – попыталась утешить его жена, все это время тихо сидевшая в комнате.

– Да знаю я, Наташенька, что ты-то ни листочка из моих записей не выбросишь, а дети? Все в мусорку пойдет! – горестно сказал он.

– А вы все в архив сдайте, – предложила я.

– Говорил я с ними, – поморщился он. – Не нужны они там – не документы ведь какие-нибудь. А! – Он горестно махнул рукой, вздохнул и, подводя черту моему визиту, сказал: – Рад был помочь! И, знаете, просьба у меня к вам.

– Все, что смогу, – пообещала я.

– Когда вы все выясните, расскажите мне, чем дело закончилось. Я хоть уже на том свете одной ногой, а все равно интересно, – попросил он.

– Обязательно! – твердо пообещала я ему.

Выйдя от Горбуновых, я сразу же поехала на старообрядческое кладбище. Оставив машину на стоянке возле ворот, я сняла с шеи шарфик, решив, что он вполне сойдет, повязала его на голову и вошла в ворота. Конечно, я знала, что есть

любители ездить на кладбище, но сама к ним не относилась и бывала там только в силу крайней необходимости. Вокруг, как и на любом другом кладбище, царили покой и тишина, и порядок был идеальный: дорожки посыпаны песочком, все могилы аккуратно прибраны и нет ни одной заброшенной. Я огляделась и, увидев возле одной из могил старушку, подошла к ней – прежде чем идти в церковь, чей купол отчетливо сиял на фоне голубого неба, я решила посмотреть на фамильный склеп Кузнецовых. Старушка указала мне направление, и я отправилась в старую часть кладбища, где среди других подобных строений и нашла нужный склеп. Да, массивен и добротен он был истинно по-купечески и на общем фоне выделялся какой-то особенной ухоженностью. По-видимому, к нему относились с особым почтением.

Церковь была открыта, и я спросила у прибиравшейся там женщины, как и где мне найти батюшку.

– Приболел отец Леонтий, – ответила она.

– Ой, как неудачно, – поморщилась я и объяснила: – Мне с ним так нужно поговорить!

– А о чем это? – насторожилась она. – Ты же, я вижу, не из наших – вон какой яркий шарфик на голове!

– Ой, я даже не знаю, как начать, – принялась на ходу сочинять я.

– Ты говори, говори, – подбодрила меня женщина. – Может, я чем помогу? Подскажу.

– Видите ли, у меня есть соседка, старая больная женщи-

на, родных у нее никого нет. Раньше она жила здесь, неподалеку, а потом ее дом снесли, и она переехала. Так вот, она говорит, что раньше всех, кто в этом районе жил, на вашем кладбище хоронили, независимо от веры, – я это точно знала, поэтому ничем не рисковала, а вот старушку-соседку я просто выдумала.

– Было такое, – кивнула она.

– Так вот, муж у нее здесь похоронен, и она хотела бы, когда ее срок подойдет, чтобы и ее к нему под захоронили. А она за это квартиру свою церкви вашей пожертвует. Уж очень она мужа своего любила, вот и хочет с ним и там вместе быть. Сама она ходить не может, попросила меня заехать к вам и узнать, возможно ли это.

– Ой, это тебе к отцу Леонтию надо. Только он такое решить может. Жди, когда он выздоровеет, – посоветовала она.

– А долго ждать? У него что-нибудь серьезное? – спросила я.

– Дома он, сердце прихватило, – объяснила она. – В почтенном возрасте он.

– Что же вы его не уберегли? – покачала головой я.

– Да как же ты такое говорить-то можешь?! – шепотом возмутилась она. – Отец Леонтий – святой человек, он у нас уже двадцать пять лет служит, а тут его какой-то негодяй, чтоб ему пусто было... Прости, господи, на черном слове! – спохватившись, она истово перекрестилась, действительно двумя пальцами. – Вором назвал!

– Вором?! – невольно воскликнула я.

– Вот именно! И еще много чего кричал, а потом выскочил как оглашенный, даже на меня налетел, чуть с ног не сбил, и убежал! А сначала-то таким вежливым был! Я к отцу Леонтию кинулась, а он сидит и за сердце держится. Я хотела «Скорую» вызвать, но он мне запретил.

– В какой он больнице? – осторожно поинтересовалась я.

– Какая еще больница? – удивилась она. – Дома он, – ответила она и кивнула куда-то в сторону ворот. – Только не пустит тебя к нему матушка Ефросинья, – предупредила она меня.

– Ну, я хотя бы узнаю у нее, когда с ним можно будет поговорить, – объяснила я. – Где он живет?

– Да прямо напротив кладбища, в шестнадцатом доме, – объяснила женщина.

– Вы того человека, который так батюшку обидел, узнаете? – на всякий случай спросила я.

– Ой, узнаю! – угрожающим тоном сказала она. – И если он здесь еще раз появится!.. – Тут она спохватилась и вновь быстро перекрестилась: – Прости, господи, мою душу грешную!

Распознавшись с ней, я пошла к воротам, на ходу снимая шарфик – слабо он мне пригодился. Дом под номером шестнадцать я нашла без труда, но, потоптавшись возле калитки, решила не беспокоить священника и его жену – им и так сейчас не сладко. Ладно, подождем, подумала я и поеха-

ла домой. Поев, я сварила кофе и, устроившись в своем любимом кресле, принялась обдумывать все, что успела узнать за день. И чем больше я думала, тем отчетливее видела, что получается полная ерунда.

Итак, предположим, что клад на фабрике действительно существует. Когда фабрика разорилась? Да уж не год и не два тому назад. Пусть даже год прошел, но за это время никто на нее не позарился. И вот появился Андреев со своей «карманной» фирмой... Нет, сначала появился представитель какой-то питерской фирмы, а Андреев – уже потом. Тут некто – но не Андреев – дал этому представителю по башке, предупредил, чтобы он уматывал, и питерец быстренько, отозвав заявку на аукцион, сделал ноги. Поступили бы питерцы так, если бы знали о кладе? Нет! Они бы просто так не сдались! Они бы еще побарахтались! Написал бы потерпевший заявление в милицию, и так далее. А он взял и умотал обратно, и явно не по собственному желанию, а по распоряжению вышестоящего руководства. Видимо, фирма в Питере – небольшая и небогатая, вот и решили они в провинции развернуться, но, поскольку все обломилось, поджали хвост и сдались. Вопрос: для чего их представителя запугивали? Ответ: чтобы фабрика досталась Андрееву. Предположим, питерцы нашли и вывезли клад, потому что появились они здесь до Андреева, когда на фабрике охраны еще не было. А невозможно это, потому что они тут же самостоятельно отозвали бы заявку и не пришлось бы неведомому мне пока су-

постату на этого питерского представителя нападать. Иначе говоря, питерцы тут ни при чем.

Пошли дальше. На данный момент все готово для того, чтобы фабрика досталась Андрееву, так? Так! Ну и какого же черта на самого Семена Ивановича сейчас охоту открыли? Допустим, чтобы и ему фабрика не досталась, но почему? Чтобы он клад не нашел? Это полная ерунда, потому что фабрика довольно долго стояла, никем не охраняемая, и, знай кто-то о кладе, он и забрал бы его без помех – возможностей у него было хоть отбавляй, никто не помешал бы. У меня мелькнула мысль, что кто-то точно знает о золоте, а вот о местонахождении тайника – нет, и боится, что при неизбежном ремонте здания его обнаружат. Но ведь за годы советской власти фабрику наверняка не раз ремонтировали и перестраивали, но ничего не нашли. Откуда же у неведомого мне противника такая уверенность в том, что уж при новом ремонте клад наверняка найдут? Так, может, вовсе и не в кладе дело? Тогда в чем?

Не вытанцовывался у меня мотив этих покушений, хоть ты плачь! Как я ни крутила эту проблему, но так и не поняла, кому же до такой степени мешает живой Андреев. Кто сливает из его дома информацию? Кто сделал первую мину? Кто подложил ее в почту? Кто стрелял по машине Андреева? Кто нанял Кефира, чтобы тот изготовил, – а ему, как хорошему инженеру, это было раз плюнуть, – вторую мину и подложил ее, а потом убрал самого Кефира? Последнего факта я, ко-

нечно, точно не знала, но была на сто процентов уверена, что в живых его уже нет. И, наконец, кто сегодня установил растяжку, узнав от своего информатора, что Андреев собирается выехать из дома?

Думала я, думала, но так ни до чего и не додумалась.

День третий

Среда, или Факты, предположения, домыслы, но никакого мотива! Хоть плачь!

Утро началось со звонка Венчика.

– Ну, матушка! – сказал он таким тоном, что я чуть не подавилась кофе. – Ох, это, я тебе скажу... Это такое!..

– Скажешь! – твердо заверила его я. – Причем очень быстро! Считай, что я уже у тебя!

Из дома я вылетела, даже не допив кофе – мне так хотелось поскорее узнать, что он выяснил, потому что никакие разумные мысли мне самой в голову уже не приходили, как я ни билась, и срочно требовалась свежая информация.

Венчик выглядел триумфатором и из-за вполне законного чувства гордости сиял собственным светом. «Ох, придется мне сегодня его притчи выслушивать, – обреченно подумала я. – И ведь никуда не денешься – заслужил! Так что терпи, Татьяна!»

– Ну, не томи! – попросила я, усаживаясь напротив него.

– Эх, матушка, – сокрушенно покачал головой Венчик. – Я тебе скажу, что Андреев – это такая сволочь, прости за грубость, что пробу ставить некуда!

– Да, хам он первостатейный, – согласилась я.

– Да если б только это! – всплеснул он руками. – Ты зна-

ешь, как его за глаза на рынке зовут?

– Откуда? – удивилась я. – У меня там знакомых нет.

– А я тебе скажу. КОП его зовут! А переводится это – «козел похотливый»! – сказал он.

– Брр! – скривилась я. – И основания для этого имеются?

– Более чем! Только избыток желаний у него присутствуют, а вот возможности реализовать их начисто отсутствуют, – продолжил Венчик.

– Ну, это мне расшифровывать не надо, – фыркнула я. – И на каком же поле пасется этот козел?

– Большое поле, – солидно покивал мой информатор. – Центральный рынок называется.

– Сексуальные домогательства по отношению к подчиненным в администрации? – уточнила я.

– Э-э-э, нет! – покачал головой он. – Туда он не совался, в основном специализировался по молодым торговкам-частницам. Причем в принудительном режиме.

– Использование служебного положения... – покивала я. – Или дашь, или пошла вон. Значит, именно это подонок Андреев когда-то назвал «поддержаться за молодое мясо»?

– Вот именно, – подтвердил Венчик. – А они потом все дружно плевались и говорили, что он – извращенец, потому что как мужчина ни на что не способен. Но терпели, от великой нужды, потому что деваться-то им некуда!

– Ну, он и мразь! – не выдержала я. – Носит же земля такую нечисть! Бедные женщины!

– Не все! – тут же вставил Венчик.

– Неужели любительница нашлась?! – обалдела я.

– Нашлась! Еще какая! – выразительно сказал он.

– Ну, повествуй наконец! – не выдержала я.

– Я, матушка, сначала вкратце, а уж потом, если у тебя вопросы возникнут, так я и подробнее могу, – начал он. – Значит, так. Была там на рынке девка одна, Ларисой ее зовут. Года три она до этого рыбой от хозяина торговала. Говорят, симпатичная девка, но уж очень на язык несдержанная, да и на расправу скорая. Пытались к ней мужики подкатиться, что наши, что приезжие, так она не только словесно от них отбивалась, но и с применением грубой физической силы, причем дралась не как баба, а как мужик. Андреев тоже к ней, как и к другим, клинья подбивал, так она послала его далеко-далеко. А что? Она же не хозяйка, а просто торговка, ей это ничем не грозит. А недавно она, представляешь, вдруг сама Андрееву начала глазки строить, стоило ему по рядам пройти. Он там частенько гулял, очередную жертву высматривая, а потом приглашал ее зайти к нему в кабинет после работы, чтобы формальности утрясти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.